

Б.КРЕМНЕВ
«КРАСИН» (ОТРЫВКИ)
М., «Молодая гвардия», 1968. Серия «ЖЗЛ»

Для него экзамены кончились хорошо. Он был принят на химико-технологическое отделение. «В Технологический институт я попал с твердым намерением пойти по стопам моего знаменитого земляка Д. И. Менделеева, — вспоминает Красин и прибавляет: — Все мы из средней школы вышли политически совершенно нейтральными юношами, с устремлениями больше в сторону химии, технологии и других прикладных наук... В Питер я явился без каких бы то ни было определенных политических запросов и в первый год с головой ушел в науку».

Он окупился не только в науку, но и в борьбу с жизнью. Жизнь в столице оказалась неподатливой, скупой на милости. После занятий приходилось бегать с урока на урок, а когда их не было, рыскать по городу в поисках других случайных заработков. Старики родители к тому времени перебрались из Тюмени в Иркутск. Жилось семье трудно. Отцовского жалованья едва хватало на прокорм.

Красин испытывал жгучее чувство стыда и неловкости всякий раз, как из Сибири приходил почтовый перевод. Несмотря на протесты сына, отец, пока Леониду не дали стипендию, время от времени урывал скудные крохи и слал в Петербург. Если уж бедовать, так сообща — таков был неписанный закон, по которому жили Красины.

Невзгоды не так тяжелы, если их нести не в одиночку. Год спустя ему полегчало. В Петербург приехал и тоже поступил в Технологический младший брат Герман, длинный, худой, нескладный.

Братья зажили вместе, одним домом, одним немудреным студенческим хозяйством, поровну деля и деньги, и расходы, и одежду, и обувь, и труды, и заботы.

Зажили дружно и ладно, как жили все Красины и Кропанины.

Но жизнь не только подставляла молодому студенту свои острые бока. Она являла и свой лик, ужасный, отвратительный. Был он исполосован виселицами, изъязвлен тюремными казематами, испещрен верстовыми столбами, отмерявшими печальный, от этапа к этапу, путь на каторгу и ссылку.

То была пора свирепой реакции. Невероятно тусклое и мрачное время.

— Страна скована льдом, — говаривал брат Герман.

А поэт описывал:

В те годы, дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла;
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи,
А только — тень огромных крыл...

Всего лишь несколько лет назад, после того как от бомб революционеров-террористов пал Александр II, была разгромлена героическая «Народная воля». Возшли на эшафот Софья Перовская, Андрей Желябов, Тимофей Михайлов, Николай Кибальчич и Николай Рысаков, а те из их товарищей, кого миновала петля палача, были заживо погребены в Шлиссельбургской крепости.

За каких-нибудь несколько месяцев до приезда Красина в столицу, 8 мая 1887 года, погибли на виселице Александр ульянов, Василий Осипанов, Пахомий Андреюшкин, Василий Генералов, Петр Шевырев — последние из когорты революционеров-террористов, пытавшиеся, подобно прежним сынам «Народной воли», прикончить царизм бомбами.

Правительство нового государя императора, грузного, квадратного, с тяжелым взглядом и неподвижным лицом, Александра III, задушив «Народную волю», все крепче стискивало горло страны. Одно лишь участие в безобидном кружке самообразования оборачивалось полицейским делом и кончалось высылкой в провинцию. Если же занятия содержали хотя бы намек на социализм, участники кружка отправлялись в тюрьму, а оттуда в места не столь отдаленные — самые северные уезды Вологодской и Архангельской губерний или хуже того — в дальнюю кандавшую Сибирь.

Стр.2
Просвещение получил под всевластное начало министр Делянов, тупой и злобный мракобес, прославившийся афоризмом о «кухаркиных детях». Он неколебимо верил в фельдфебельскую премудрость, что «враг унутренний есть жида и скубенты», и вершил над просвещением Шемякин суд и крутую расправу.

Главные удары обрушивались на молодежь. Это не мудрено. Если революции — это локомотивы истории, их машинисты и кочегары — молодежь. Это они, молодые, без страха и трепета шли на муки и смерть. Это они, молодые, своими звонкими голосами силились разбудить Россию. Это они, молодежь, пусть оступаясь и блукая средь неверных блуждающих огней, искали пути из мрака к свету, от рабства к свободе.

Приход Красина в институт совпал с трагическим переломом в жизни высших учебных заведений. Буквально на глазах молодого студента уничтожались последние вольности. Студентов вырядили в форму. Когда все на один манер, нет каждого. Безликая масса — как стадо, ею легче управлять, за ней легче присматривать. Для слежки была учреждена система педелей. Педели — ищейки-надзиратели — повсюду шпионили за студентами, чуть что донося по начальству о каждом неосторожном слове, о каждом необдуманном поступке.

Чтобы студент поменьше размышлял, его побольше занимали — лекциями, репетициями, чертежами, работами в мастерской. Чем меньше у человека досуга, тем меньше он думает, а значит, меньше склоняется к бунту.

Как ни зелен был Красин, он очень быстро разобрался в пестрой сутолоке институтских будней и уразумел, что истинная цель начальства — «доводить студентов до максимального одурения, не оставляющего в мозгах места ни для каких «вредных» мыслей».

Еще со школьной скамьи ему был известен элементарный закон природы — действие равно противодействию. Теперь, в Петербурге, он убедился, что закон этот впрямую относится и к обществу. Чем сильнее давил правительственный пресс, тем больше возрастало сопротивление.

Из всех вредоносных заблуждений, пожалуй, самое нелепое и вместе с тем опасное — убежденность сановников в том, что человеческую мысль можно задушить. А человеческая мысль подобна сказочному богатырю. Сколько ни убивай его, он оживает вновь. Стоит лишь окропить его живой водой. Животворный же источник человеческого разума неисчерпаем.

Как ни старались правители, убить мысль они не могли. Она оживала — в спорах, разговорах, перешептываниях, нелегальных кружках, легальных и полунелегальных студенческих учреждениях.

Не прошло и двух лет, как Красин понял, что институт — или Техноложка, как он, теперь уже бывалый студент-второкурсник, называл ее, — живет двойной жизнью: официальной, с ее видимым напряжением и казенной деловитостью, и неофициальной — бурной, опасной, захватывающей.

Очаги этой жизни были различны. И знали о них только посвященные.

Во дворе, подле ворот, ведущих в институт с Забалканского проспекта, стояло небольшое здание. Было оно унылым с виду, но полным кипучей жизни изнутри.

Здесь помещалась студенческая столовая. В ней можно было не только по дешёвке поесть, но и переброситься на ходу рискованное слово, тайком обменяться мнением о том, о чем в аудитории благоразумнее умолчать, собраться вдвоем-втроем и накоротке поспорить о политике либо пофилософствовать на тему: куда идет Русь и кому вести ее? Наконец, здесь можно было, не опасаясь надзирателей, договориться о месте и часе сбора нелегального кружка.

Педелям вход в столовую был заказан. Ее хозяевами были студенты. Меж ними и институтским начальством установилось негласное соглашение, которое соблюдалось как первой, так и второй стороной. Одни пообещали не проводить в столовой ни сходок, ни больших собраний и строго следили, чтобы это обещание выполнялось. Другие, однажды отдав студентам управление столовой, в дальнейшем не посягали на него.

Правда, в истории бывали исключительные случаи, когда в столовую силой проникали околоточные, приставы, городовые. Но чтобы хоть один педель переступил порог ее, такого не было.

Управляя столовой, студенты проходили довольно солидную школу демократии, сплочения, организации. Во главе всех дел стояли выборные распорядители. Их кандидатуры выдвигались покурсно, подачей записок. Затем составлялся общий список и вывешивался на стене для «всенародного голосования». Каждый студент ставил против фамилии кандидата плюс или минус. Кто набирал больше плюсов, проходил в распорядители.

Собрание распорядителей делилось на комиссии — административную, мясную, овощ- Стр.3 ную — и направляло всю жизнь столовой: подряжало эконома, поваров, заключало соглашения с поставщиками провианта, устанавливало таксу на блюда, следило за порядком.

Благодаря студентам порядок в столовой был образцовым, хотя временами здесь кормилось до тысячи человек.

Независимая столовая — одна из вольностей, которую удалось отстоять технологам. Другим студентам Петербурга жилось куда хуже. В университете, например, после убийства Александра II все студенческие организации были разгромлены вчистую.

Красину работать в столовой не довелось. Тут требовались деловая сметка и практический опыт. Малоискусшенных юнцов распорядителями не выбирали. А он был тогда «очень хорошенький мальчик, немного выше среднего роста, стройный, с прелестным, по-детски круглым лицом, безусый и безбородый», — вспоминает его однокашник А. Балдин.

Красин стал участником другой студенческой организации — нелегальной — библиотеки.

Институтская библиотека своим официальным лицом радовала начальство. Лицо было анемичным, а сама библиотека — хилой. На полках стояли лишь книги по технике. Литература социально-экономическая давно пылилась за замками и печатями. Многие книги, легально вышедшие в свет лет десять назад, — о хождении в народ, о борьбе с самодержавием, о теории и истории социализма — теперь были запрещены и изъяты. Те, кто пытался их читать, предавались не только академической анафеме, но и полицейским властям. Если жандармы натыкались на «Что делать?» Чернышевского, владельца книги ожидало не только исключение из института, но и отбывание «натуральной тюремной повинности».

Запрещенными книгами были и первый том «Капитала» Маркса, и первый и второй тома сочинений Лассалья, и «Исторические письма» Лаврова, и «Политическая экономия» Милля с примечаниями Чернышевского.

Вот эти-то книги, запретные и опасные, и составляли другое, неофициальное, наиболее манящее студентов лицо институтской библиотеки. «Всякий уважающий себя студент, — вспоминает Красин, — считал для себя обязательным прочесть всю запретную литературу».

Она не хранилась в библиотечных стенах. Она ходила по рукам, тайно и конспиративно. Книжки передавали из-под полы, быстро, с оглядкой студенты-библиотекари. Каждый держал на дому по две-три книги, не больше, чтобы при провале жертвовать немногим. Он выдавал нелегальщину товарищам по записям в особых каталогах, которые прятались в тайниках.

Довольно трудным и опасным занятием было не только распространение книг, но и добывание их.

Красин стал подпольным библиотекарем и «предавался этому делу с рвением спортсмена. Элемент спорта был тут не только в связи с некоторым риском, но в особенности также поскольку дело шло о пополнении библиотеки редкими книгами. В Петербурге не было ни одной лавчонки букинистов, которую я не посетил бы, и если где-либо появлялся первый том «Капитала», или Лассаль, или Чернышевский, знакомые букинисты давали мне знать, и я отправлялся добывать книгу, не останавливаясь даже перед такими сверхъестественно большими, по тогдашним временам, затратами, как десять или пятнадцать рублей за одну книгу».

Чем больше приобщался он к подспудной институтской жизни, тем глубже вникал в нее.

Вблизи все выглядело много сложнее, чем издали.

Со стороны казалось, что студенческие организации монолитны, что всякий, кто рискует, связываясь с нелегальщиной, — частица единой, собранной в кулак и нераздельной силы.

На поверку же выяснилось — единства нет. Все, кто хотел бороться или по крайней мере считал себя борцом, сходились только в одном:

— России нужны перемены. Но как добиться их?

На этот вопрос разные люди отвечали по-разному. Ответы зрели в спорах, яростных, жестоких, непримиримых. в них отражались проблемы, волновавшие умы всей мысли России.

Одни говорили:

— У Руси особенная статья. Ей, не в пример Европе, чужд капитализм с его фабриками, заводами, пролетариями. Минувя капитализм Русь движется к социализму через сельскую общину, этот «зародыш социализма». Не «язва пролетариата», а крестьянство — вот кто главная революционная сила. Но крестьянству одному не сдвинуть колеса истории. На это способны лишь герои, «критически мыслящие личности». Только за ними послушно идет толпа, обычно пассивная и безвольная. Историю вершит не классовая борьба народных масс, а бомба и воля выдающихся личностей. Другие говорили:

— Россия вступила на путь капитализма и вовсю движется по нему. Нет нужды, Стр.4
угодно ли сие отдельным персонам или нет. «Если Иисусу Навину удалось, по библейскому
рассказу, остановить солнце «на десять степеней», то время чудес прошло, и нет ни одной
партии, которая могла бы крикнуть: «стойте, производительные силы, не шевелись, капита-
лизм!» Сельская община никакой не «зародыш социализма». Капитализм, развиваясь, разла-
гает ее. В общине все большую силу забирают богатеи. Они грабят бедняков, отнимают
землю. Крестьянство раскалывается, распадаясь на кулаков и батраков. Одни пополняют
ряды сельской буржуазии, другие — сельского пролетариата. Капитализм, независимо от
своей воли, рождает своего могильщика — промышленный пролетариат, самый революцион-
ный класс общества. Он-то и призван возглавить борьбу народных масс за социализм. Тре-
тьи говорили:

— Мы еще совершенные невежды и, прежде чем браться за дело, хотим учиться. В частно-
сти, хотим основательно проштудировать политическую экономию. Хотя и смутно, но мы
уже понимаем, что в экономике — разгадка всех других общественных наук.

Четвертые считали:

— Незачем зарываться в книги. Достаточно прочесть несколько статей Герцена, Лаврова,
Чернышевского, Михайловского, и теоретическая подготовка революционера закончена. Он
может смело погружаться в практическую работу, выходить на борьбу.

Пятые борьбу вообще отрицали:

— Раз не удалось поднять крестьян, надо искать соглашения с царизмом. То, что не удалось
взять с бою, надо стараться добыть миром, в рамках легальности. Следует не бороться, а
приспособляться.

Трудно сказать, кто хуже — реакционер или либерал. Скорее всего оба хуже. Во всяком
случае, первый открыт, от него добра не жди. Второй закамуфлирован. Он скользок и трус-
лив. Возвышенными словами либерал пытается прикрыть ничтожность дел, а в решающий
и, конечно, опасный момент норовит улизнуть в кусты. Это его, русского либерала, высмеял
поэт Д. Минаев, обращаясь со стихотворением-экспромтом к одному из высших государ-
ственных сановников России:

Перед лицом всей нации

И всей администрации,

В виду начальства строгого,

Мы просим, граф, немногого:

Уж вы нам — хоть бы куцую,

— Но дайте конституцию.

В запутанном лабиринте враждующих мнений и взглядов нетрудно было заблудиться. Тре-
бовалось найти выход. И Красин искал его. Наблюдая, сопоставляя, взвешивая, размышляя.

Действительность гнусна. Отвратен царизм. Чудовищна реакция. Невыносима рабья по-
корность, насаждаемая кнутом и кандалами. Мириться и тем более уживаться со всей этой
мерзостью бессовестно.

Что же делать?

Бороться.

Но как? С кем сообщать?

С теми, кто владеет оружием. Без него любая борьба бессмысленна.

Но где оно, это оружие? Каково оно?

Прежнее — бомба — негодно. После убийства одного царя к имени другого прибавили
палочку. Только и всего.

Исход борьбы решают не отдельные, пусть и выдающиеся, личности, а народные массы.
Так как «базис истории лежит в глубине народной жизни, технической организации труда, —
размышлял Красин, — то отдельные личности могли выделять какие угодно кунштюки,
ходить на голове и т. д., но влияние их оставалось заметно лишь постольку, поскольку они
воздействовали на эту именно сторону. Но она-то как раз наименее всего подлежала их
воздействию. Наполеоны завоевывали миры, Александры, в свою очередь, упрятывали На-
полеонов на уютные острова, а тем временем в стороне от того блеска и шума шел серенький
процесс применения паровых, ткацких и других машин, сделавших весьма неузнаваемой
физиономию Западной Европы. И уж наверное роль и значение всех этих господ, начиная с
Александра Македонского и кончая тем же Наполеоном, оказались бы менее заметными,
если бы вместо своих грандиозных завоеваний удалось им выловить и уничтожить всех этих
Уаттов, Аркрайтов, Стефенсонов, Фультонов и пр. и пр. ... Однако бодливой корове в этом

Стр.5
случае бог рог не дает... Разве не могу я обратиться к ним с теми же словами, с которыми Архимед отнесся к воину при взятии Сиракуз: «Не тронь, варвар, моих теорем!» Правда, этот варвар ударом своего меча размоzzжил величайшую в мире голову, но моя голова пока еще цела и на плечах, да если бы и бить по ней стали, то лучше быть биту наподобие Архимеда, чем пресмыкаться в качестве раба с завязанными глазами, не сознавая ничтожества и бессилия своих господ-угнетателей».

Где же выход? Где же оно, это могучее оружие борьбы?

Оружие, которое он искал, находилось рядом, в нелегальной библиотеке.

Если верно, что книги, подобно людям, имеют свою судьбу, не менее верно и то, что судьба людская зависит от книг. Подчас встреча с иной книгой круто меняет всю человеческую жизнь.

Кем стал бы Красин, не прочти он «Капитала»? Талантливым инженером, выдающимся техником, одним из тех, кто ставил стропила, а затем возводил здание русского капитализма. С приходом зрелости остыл бы пыл молодости, повыветрился бунтарский дух, столь свойственный мятежной юности, и он, подобно многим сверстникам и однокашникам своим, строил бы, управлял, двигал вперед технику, а по вечерам поругивал бы в Деловом клубе за картами правительство и расейскую отсталость с азиатчиной.

Книга Маркса заново раскрыла перед ним мир. И помогла найти в нем свое настоящее и стоящее место.

Это пришло не сразу. Поначалу, после первого знакомства, он, подобно многим, увидел в Марксовом «Капитале» только подспорье своей будущей деятельности. Так сказать, руководство к действию в рамках сложного, полного противоречий и пороков капиталистического общества. «Для нас, — пишет он в 1889 году, — подобная штука имеет особый интерес: нам придется возвращаться как раз в той области, где идет «производство и распределение богатств и товаров», а потому было бы очень странно не знать законов, управляющих этими процессами».

Но чем глубже вникал он в книгу, тем яснее постигал ее великий смысл. «Еще лет 30–40 назад не могли предвидеть ближайшую судьбу европейского общественного строя, если же возьмем сотню лет назад, то максимум, что мы увидим, — ничтожную кучку мыслителей, не столько предугадывающих, сколько предающихся полету своей пылкой фантазии о будущем человечества. Но вот время идет, естественные науки окончательно встают на ноги и открывают, таким образом, возможность научного развития взглядов на историю человечества. Разработка начинается с лихорадочной поспешностью, и уже в конце 60-х годов Карл Маркс уверенной походкой опытного врача приближается к современному европейскому обществу, изучает пульс общественного организма и предсказывает участь этого самого ранее не разгаданного сфинкса с точностью, какой может позавидовать самый заправский медик».

Он штудировал Маркса и в одиночку и в кружке сибирского землячества. Читает, перечитывает, отдает летние каникулы книге, страницу за страницей, главу за главой конспектирует ее, причем конспекты куда подробнее и объемистее многих глав оригинала.

И сокрушается, что «у нас на русском языке нет популярного изложения идей этого экономиста. Многие получили бы от него просвещение».

Он все настойчивее думает о том, как бы просвещение это понести людям. И постепенно все яснее сознает, что Маркс не только великий экономист, но и великий революционер, что он не только вскрыл неизлечимые недуги капитализма, но и объявил ему непримиримую войну, что созданная Марксом теория призвана не только объяснить, но и преобразить мир.

Постичь эту истину ему помогли старшие товарищи по институту. К тому времени — к началу 90-х годов — сложилась своеобразная география студенческого Петербурга: студенты Лесного института — «лесники» — в большинстве своем были народниками, универсанты — тяготели к марксизму, но с сильным привкусом «легального», и лишь Техноложка являлась оплотом марксизма. Именно здесь хотели всерьез изучать теорию и сочетать ее с практикой.

Технологи пытались вплотную подойти к организации рабочего движения.

Дело это было неизведанным, трудным. Но нелегальные кружки исподволь набирали силу. Слабые, разрозненные разобщенные вначале — ни общегородской, ни даже общеинститутской связи не существовало, — они постепенно крепили и шли к объединению.

Путь этот был ухабистым. Он был изрыт рывками борьбы. Ну что ж, тем лучше, ведь борцы рождаются только борьбою.

Борьба разгорелась на одном из первых же собраний участников студенческих кружков. Был на нем и Красин. Докладчика поначалу слушали уважительно, даже с восхищением.

Стр.6
Был он знаменит. И хотя председательствующий представил его под конспиративной кличкой «Лоэнгрин», многие знали и настоящее имя и историю его. Это был С. Карелин, земский статистик и экономист, старый революционер-народоволец, только что вернувшийся из северной ссылки.

Говорил он о старой «Народной воле», о ее героических традициях в борьбе с царизмом, о дисциплине, стальным обручем объединявшей народовольцев.

Все это вызывало одобрение, ибо относилось и к прошлому и к настоящему. То, что годилось прежде, необходимо было и сейчас.

Но когда Лоэнгрин перешел к дню сегодняшнему, аудитория насторожилась. Оратор звал молодежь объединиться на борьбу с общим врагом. Но вести ее предлагал с помощью террора.

Революционный террор, возведенный в систему, — вот что проповедовал Лоэнгрин.

День вчерашний сбивал с толку день нынешний. Прошлое тянуло вспять настоящее.

И Красин и друзья его выступили против старика, хотя был он и чтим и популярен.

Старшие прокладывают дорогу младшим. За это им поясной поклон. Но если они устаревают и становятся поперек дороги новому, они должны освободить путь. Таков закон поступательного движения, такова неумолимая логика его.

Аудитория раскололась. Технологи держались дружно. Они потребовали голосования и проголосовали за марксистов.

На другом, еще более многочисленном собрании, когда речь зашла о новейших течениях в социологии, Красину тоже пришлось принять бой. На этот раз он выступил оппонентом докладчика А. Венцовского, развивая и отстаивая марксистскую точку зрения на историю.

Бороться приходилось не только с народниками. Бороться приходилось и с марксистами. С теми из них, кто называл себя таковыми, по существу ими не являясь.

Когда море вздымает могучий вал, вместе с волной несутся и ил, и песок, и камни. Спадет волна, и они осядут на дно. Но пока волна вскипает, они держатся на ее гребне. К 90-м годам марксизм стал в России модой. Некоторые умеренные либералы, приветствуя зарю русского капитализма и с восторгом поглядывая на Запад, использовали новое учение для борьбы с отсталыми взглядами народников. В последнем была их известная заслуга. Но главное в марксизме — его революционную суть — они опускали. Ни о преходящем характере капитализма, ни о социалистической революции, которая свергнет власть капитала и установит диктатуру пролетариата, «легальные марксисты» даже не заикались.

В студенческих кружках и салонах преуспевающих присяжных поверенных стал частым гостем студент-универсанта Павел Струве. Неуклюже размахивая длинными, поросшими рыжими волосами руками, он сыпал цитатами из Маркса, которого, как заверял он, знал назубок, поносил российскую некультурность и призывал идти на выучку к капитализму.

— Главное, — говорил он, — социальные реформы. Они и есть те звенья, которые свяжут капитализм со строем, сменяющим его.

Эту же мысль, но в образной форме притчи развивал другой «легальный».

Собака, которую заели блохи, спросила лису, как от них избавиться.

«Залезь в воду, а спину оставь снаружи», — посоветовала лиса.

Собака послушалась.

Все блохи собрались на спине.

Теперь собака погрузилась глубже, выставив лишь голову.

Блохи перебрались на макушку.

Тогда собака высунула язык и окунулась с головой.

Блохи собрались на языке, и собака всех их сглотнула.

— Так вот, — пояснял оратор, — вода — это денежно-товарное хозяйство, а сборище блох к одному месту — концентрация капитала. Следовательно, рецепт для перехода России от капитализма к социализму — развитие товарно-денежного хозяйства и капиталистического производства.

Буржуазный реформизм вместо революционного марксизма. Этому нельзя было не дать боя. И Красин сражался. Темпераментно, страстно, с молодым азартом.

Острый и быстрый ум, широкая начитанность, точное знание предмета, безжалостная логика, разящий наповал сарказм помогали ему.

Теперь старшие товарищи знали: во всех идейных схватках можно смело рассчитывать на него.

У этого тоненького, элегантного, даже несколько склонного к щегольству молодого сту-

То, чему он учился и чему учил в рабочем кружке на Обводном канале, убедило его, что техника, даже достигнув небывалого расцвета, способна осчастливить лишь счастливых людей. Счастлив же только тот, кто свободен. Машинное рабство не лучше, а хуже, изнурительнее и тяжелее рабства безмашинного. Подневольный становится рабом не только хозяина, но и машины, которой хозяин владеет. Это позволяет хозяину выжимать еще больше соков из раба.

Значит, из всех путей существует один-единственный правильный — путь борьбы за изменение отношений между людьми. Когда техника, машины, заводы из состояния богатей превратятся в достояние неимущих и будут служить народу, вот тогда-то они и принесут счастье человечеству.

Чтобы это произошло, нужна борьба, а в борьбе — руководитель. Таким руководителем может быть только партия, сильная, крепкая, сплоченная твердой дисциплиной. Необходимость последней хорошо понимали еще в старину боевики «Народной воли».

Когда один из студентов вступал в партию «Народной воли», он встретился с «Милордом». «Милорд» — это был член Исполнительного комитета «Народной воли» Тригони — долго изучающе рассматривал студента, а затем спросил:

— Готовы ли вы на полное самоотвержение, на отказ от семьи, родных, привязанностей, на полное подчинение чужой воле, может быть, на пытки и смерть?

— Готов. Клянусь, что весь, целиком отдаюсь в ваше распоряжение.

— Хорошо, тогда пойдите, пожалуйста, на Садовую улицу и купите в лавке, что в подвале возле Невского, полфунта сыру.

Тригони вынул из портмоне рубль и протянул студенту.

Тот стоял ошеломленный, ничего не понимая.

Тригони заметил это.

— Вы обязаны подчиняться всякому приказанию, хотя бы оно казалось странным.

Студент кивнул головой, отправился по указанному адресу, купил сыр и принес вместе со сдачей.

Тригони внимательно осмотрел покупку и сказал, что студент может идти домой.

— А дальнейшие поручения?

— Будете ежедневно покупать в той же лавке хотя бы четверть фунта сыру. Больше ничего.

Студент ушел в полном недоумении, но точно исполнял все, что было наказано. И только после убийства Александра II, когда обнаружился подкоп из сырной лавки Кобозева, понял, что был одним из «покупателей», придававших лавке вид действительно взаправдашнего торгового заведения.

Подкоп был сделан с расчетом на то, что царь поедет обычным маршрутом — по Садовой. Но он неожиданно проследовал другим путем — по набережной Екатерининского канала, где его и прикончили бомбы Гриневецкого и Рысакова.

Но одной лишь дисциплины, как она ни важна, недостаточно для партии, которая ставит перед собой цель — завоевание пролетариатом политической власти и построение социалистического общества. «Крепкой социалистической партии не может быть, если нет революционной теории, которая объединяет всех социалистов, из которой они почерпают все свои убеждения, которую они применяют к своим приемам борьбы и способам деятельности...» Задача партии — внести в стихийное рабочее движение социалистические идеи. Марксистская партия — это и есть соединение научного социализма с рабочим движением.

Такая партия, партия нового типа, рождалась в России. Ее создавал Ленин.

Еще в Сибири, с нетерпением ожидая окончания томительной ссылки, он вынашивал план создания такой партии. «Владимир Ильич, — пишет Н. К. Крупская, — перестал спать, страшно исхудал. Бессонными ночами обдумывал он свой план во всех деталях».

И затем, вырвавшись, наконец, на свободу и уехав на чужбину, в эмиграцию, приступил к осуществлению задуманного.

Ленин начал с создания общерусской политической газеты. Эта газета — не только коллективный пропагандист и агитатор, но и коллективный организатор — призвана была сплотить местные комитеты и группы на принципах революционного марксизма, объединить в одну организацию, разработать программу и устав партии и развернуть подготовку ко II съезду.

I съезд — он состоялся в марте 1898 года в Минске — ни программы, ни устава не принял и разрозненные организации не объединил. Избранный съездом Центральный Комитет — од-

ним из членов его стал бруснец Степан Радченко — вскоре же был арестован. Так ^{Стр.8} что I съезд лишь провозгласил, но фактически не создал Российскую социал-демократическую рабочую партию.

В декабре 1900 года вышел первый номер «Искры». Ленинская «Искра» появилась в самое время. В стране нарастало революционное движение. Множились стачки и забастовки, росли выступления крестьян против помещиков, волнения студентов. Все чаще и мощнее становились демонстрации.

На улицы российских городов выходил пролетариат и требовал:

— Восьмичасовой рабочий день!

— Политическую свободу!

«Искра» воспитывала из него руководителя всенародной борьбы. Тесно связанная с Россией, с местными организациями и комитетами, она боролась за создание общерусской социал-демократической марксистской партии.

Из-за рубежа в Россию протянулись невидимые нити. Минуя пограничные шлагбаумы, таможенников, жандармов, шпики, рискуя свободой, а зачастую и жизнью, агенты «Искры» связывали газету с массами. В чемоданах с двойным дном, в специальных жилетах, под платьем, в корешках книжных переплетов они доставляли «Искру» в Россию и распространяли среди рабочих, организовывали письма, статьи, материалы, налаживали связь с местными комитетами.

На этом опасном и трудном поприще воспиталось немало славных бойцов партии. Агентами ленинской «Искры» были И. Бабушкин, Н. Бауман, С. Гусев, И. Дубровинский, Ц. Зеликсон-Бобровская, Р. Землячка, М. Калинин, В. Кецховели, П. Красилов, И. Радченко, Е. Стасова, М. Сильвин, М. Ульянова, А. Цюрупа и многие другие.

Ленинская «Искра» переправлялась из-за границы в Россию разными путями и по разным маршрутам. Одна из трасс вела в Баку, на Баилову стройку, к Красину.

Днями инженер Красин управлял строительством — ругался с подрядчиками, норовившими обжулить, обжегорить, подгонял десятников и мастеров, вместе с инженерами ломал голову в поисках наиболее выгодных и эффективных технических решений или, если работа не спорилась, сбрасывал пиджак, засучивал рукава крахмальной сорочки и вместе с рабочими принимался за дело, уходя лишь после того, как оно ладилось вновь.

А вечерами или по ночам встречался с заезжими людьми — Касьяном либо Игнатом (И. Радченко и П. Красилов). Они, прибыв издалека, передавали ему директивы Ленина, привозили свежие номера газеты, оседали на несколько дней, чтобы, сделав все дела, отправиться снова в тяжелый и опасный путь.

Приходили они неслышно. И так же тихо исчезали. Словно растворялись во тьме южной ночи.

Стройка на Баиловом мысу была куда как хороша для всяких конспиративных дел. Баиловское столпотворение, как воз сена иголку, мгновенно поглощало человека, неважно, старый он для Баку или новый.

Среди множества строителей, подобно приливу, то прибывающих, то убывающих, легко было скрыть нужного товарища. Здесь без особого труда можно было совершать паспортные манипуляции. Пользуясь своим служебным положением — как-никак начальник громадного строительства, — Красин выправлял паспорта для тех, кого преследовала полиция. Подлинный паспорт, пусть выписанный на чужое имя, — сущая находка для социал-демократа, живущего на птичьих правах и разыскиваемого жандармами. Он куда лучше и надежнее поддельного.

Техническая сметка служила Никитичу добром и в подпольных делах. Он разработал остроумный и верный способ хранения нелегальной литературы, а ее с каждым годом прибывало все больше и больше. Склады нелегалыщины располагались с таким расчетом, чтобы в случае внезапного налета полиции можно было поджечь одну-две нефтяные форсунки. Так что тайники были абсолютно недоступны.

Жандармы, чувявшие недоброе, — донос — праотец жандармского чутья, — несколько раз пытались нагрянуть с обыском, но уходили ни с чем и в конце концов махнули на электростанцию рукой.

Постепенно Красин стянул на Баилов мыс все ядро бакинской социал-демократической организации. Н. Козеренко, знакомый еще с Нижнего, работал здесь бухгалтером, Л. Гальперин — статистиком, Амель Енукидзе — техником-чертежником, В. А. Шелгунов — электромонтером, С. А. Аллилуев — слесарем по установке и сборке паровых котлов.

Отсюда по всему Баку и нефтяным промыслам, подобно волнам в эфире, разноси- Стр.9
лись идеи «Искры».

Как писала Н. К. Крупская, «Баку был тогда основным пунктом искровской организации». Среди рабочих велась активная пропаганда и агитация. Впоследствии она принесла богатые плоды. На всю страну прогремела знаменитая бакинская стачка.

Красин, ранее систематически выезжавший в Тифлис, Кутаис, Батум для связи с тамошними социал-демократическими организациями, теперь, когда вокруг него сгруппировалось достаточно много надежных людей, старался действовать осмотрительнее и осторожнее. «У нас с ним состоялось такое молчаливое соглашение, – говорил А. Енукидзе, – что он, будучи на виду, как официальный работник в крупнейшем тогда предприятии, не должен был вмешиваться во все организационные мелочи, его дело было только руководить нами. Он указывал всем нам место, время и способы сношения с ним. И все, чем руководил Красин, в смысле организационном, оказывалось наиболее устойчивым, наиболее правильным и давало наилучшие результаты. Леонид Борисович был в высшей степени точным, как часовой механизм, но вместе с тем не был педантом. Он был человеком широчайшего размаха».

С годами человек умнеет, становится рассудительнее и осмотрительнее. Красину шел четвертый десяток. Теперь он понимал, что осторожность – Друг смелости, безрассудство – враг ее. Смел не тот, кто очертя голову кидается в бурный поток, но, не совладав с ним, идет ко дну. Смел тот, кто, осмотревшись, выискивает место, годное для переправы, и в конце концов преодолевает реку.

Все предыдущие аресты были результатом горячности. Она объяснима в молодости и непростительна в зрелости. Сейчас, когда от его судьбы зависит судьба многих и, главное, судьба большого дела, он не имеет права на предосудительный и неразумный риск. Никто, в особенности партия, членом которой он теперь является, не простит этого.

Значит, каждый шаг должен быть рассчитан, каждое слово взвешено, каждый поступок выверен. Никаких следов и улики, ни зацепки, ни повода к подозрению.

Как-то он прочел новеллу немецкого писателя Шамиссо. Герой ее Петер Шлемиль остался без тени.

Новелла поразила его. Не столько неожиданностью и невероятностью описанного, сколько тем, как он истолковал ее.

Туманная фантастика немца мало совпала с трактовкой, придуманной Красиным.

Человек без тени. Он шагает по жизни, чуждой и враждебной ему. Один, неприметный, неуловимый, недостижимый. И никто не следует за ним. Даже собственная тень.

Быть человеком без тени – вот что стало его девизом. Каждое утро в один и тот же час, минута в минуту, так, что по его выходу можно было сверять часы, спускался он со второго этажа, где над конторой располагалась его квартира. Твердым шагом, неторопливо сходил по скрипучей деревянной лестнице, весело цокая подковками башмаков по железным ободкам, которыми были обиты края ступеней.

Обходил территорию. Высокий, прямой, суховато-вежливый, в строгом, отлично сшитом костюме-тройке, с тщательно завязанным галстуком на стоячем крахмальном воротничке.

Завидев его, даже отпетые лодыри принимались за дело, а те, кто работу чередует с не в меру частыми перекурами, поспешно бросали сигарки или прятали их в рукаве. Знали – ничто не ускользнет от его все замечающих, искристых, с легким прищуром глаз.

Он умел требовать с других, но не щадил и себя. Поэтому его уважали. Не боялись, как многих других инженеров, а уважали.

Как-то на море на промыслах случилась авария. К берегу сбежались люди. Растерянные, беспомощные, они метались по прибрежной гальке, не зная, что предпринять, – лодок поблизости не было.

Подоспевший Красин, не раздумывая, кинулся в бушующие волны и вплавь устремился в море спасать погибающих. Его примеру последовали другие.

Территорию он обходил не спеша. Задерживался то на одном, то на другом участке. Давал советы, указывал, показывал, а если нужно, распекал. Словом, всему голова. И со стороны никому не приходило в голову, что среди всей этой пестряди встреч одна-другая, мимоходная, посвящена вопросам, к строительству никакого касательства не имеющим.

После обхода территории – контора. Вызовы людей. Короткие, четкие распоряжения. Быстрые, оперативные решения. Телефонные звонки. Разбор почты. Множество бумаг. Деловых, неотложных. Писем, прошений, уведомлений.

- Заграничная почта. Письма от фирм. Предложения, ответы, консультации. Посылки,

бандероли. Книги, технические проспекты.

Одни бандероли он распечатывал тут же, в кабинете. Другие уносил домой.

Зашторив окна и заперев двери на ключ, осторожно отрывал от книг корешки. И на свет божий появлялись номера «Искры», отпечатанной на тонкой папиросной бумаге.

Для связи с заграничным центром он использовал и другие пути. Договаривался с немецкими или датскими инженерами, работавшими на строительстве, о том, что на их адрес будет приходить из-за рубежа техническая литература. Они получали книги, передавали ему, а в книгах была скрыта нелегалыщина.

Но бывало и так, что заграничные отправители давали маху. Однажды он получил повестку – явиться в таможню за посылкой. Является, «и – о ужас! – мне передают грубейшим образом переплетенный атлас с обложками толщиной в добрый палец, заполненный внутри какими-то лубочными изображениями тигров, змей и всякого рода зверей, не имеющих ни малейшего отношения к какой-либо технике или науке». Хорошо еще, что таможенники, испытывая респект перед блестящим инженером, руководителем крупнейшего в городе строительства, сочли выписку из-за границы сего атласа причудой состоятельного чудака и не заподозрили наличия начинки.

Вот что значит быть человеком без тени! Без тени, но с двойным обличем.

В жизни его все переплелось самым причудливым и невероятным образом. Он носил два обличья и делал два дела. Основное – служебное, и главное – партийное. Второе зависело от первого. Чем лучше шли легальные дела, тем с большим успехом и безопасностью можно было заниматься делами нелегальными. По мере того как возрастал его вес в обществе, росли возможности вести с этим обществом борьбу.

И он работал не за страх, а за совесть. За партийную совесть революционера социал-демократа строил электростанцию.

Не прошло и нескольких лет, как в Баку появилось невиданное для этого города сооружение. Красивое и изящное, оно скорее напоминало храм, чем промышленное предприятие. Главный корпус, жилые дома, здание конторы, чистый, вымощенный двор, асфальтированные тротуары – все это несколько не породило на убогие с виду, прокопченные, грязные и захламленные бакинские заводы и промыслы.

Электрическая станция еще больше поражала внутри. Здесь царили больничная чистота и идеальный порядок.

Бакинский высший свет, приглашенный на пуск электростанции, диву давался:

– Европа, да и только!

Теперь, когда строительство было закончено, Классон уехал в Москву, и Красин стал фактическим директором нового предприятия.

И отцы города, и губернатор, и градоначальник, и полицейские с жандармами отныне были вынуждены считаться с ним. Еще бы, важная птица, крупный промышленный деятель!

Это значительно облегчало нелегальную деятельность. Когда случалось попадать в переплет, из которого другому не вылезти бы, Красин, пользуясь служебным положением, играючи выходил из воды сухим и к тому же спасал товарищей.

Он был в концерте. Вместе с Козеренко слушал Фигнера. Поразительно, как расходятся людские пути. Сестра – особоопасная государственная преступница, заточенная в каземате Шлиссельбурга. Врат – баловень славы, кумир публики, любовь царя и гордость императорской сцены.

Все же сила искусства волшебна. Поди ты, пшютоватый мужчина, самодовольный и гладкий, с нафиксатуаренными усами гвардейца и прилизанным пробормом, а запел, и перед тобой Герман, демонический, мрачно-философичный, бросающий вызов судьбе.

В ложу неслышно вошел капельдинер. Склонился над Красиным:

– Леонид Борисович, вас просят к телефону. Неотложно. Вышел с досадой. Не дали дослушать любимую арию. Вернулся озабоченный. На электростанции жандармы. Тихонько на ухо Козеренко:

– По вашу душу пришли. Есть у вас что-нибудь?

– Да, кое-что есть.

– Как же это вы так... опростоволосились?.. Ну, делать нечего, поезжайте. Я тоже сейчас подъеду... Что-нибудь придумаем.

Он все же дослушал концерт до конца. Даже бисы и те выслушал. Во-первых, такие гастролеры, как Фигнер, не каждый день заглядывают в Баку. А во-вторых, он знал: без директора жандармы все равно не решатся производить у бухгалтера обыск.

Козеренко занимал на электростанции квартиру из двух комнат с кухней. Когда при- Стр.11
шли жандармы, будущая жена его, Екатерина Александровна Киц, сидела в первой комнате за письменным столом и читала «Искру». Увидев «голубого полковника», она быстро прикрыла газету концами платка, свисавшего с плеч.

— Это моя комната, — проговорила Екатерина Александровна. — Козеренко живет рядом. Вскоре после Козеренко прибыл и Красин. Киц, скосив глаза, указала на нелегальщину под платком.

Красин хладнокровно уселся рядом с полковником и, обменявшись с ним несколькими фразами, вызвал по телефону одного из конторских служащих.

— Позовите ночного сторожа, — распорядился он. — Нужно закрыть черный ход, чтобы никто не входил и не выходил, пока не окончится обыск.

Жандарм одобрительно кивнул головой.

— Кстати, пусть поставят самовар. Бухгалтеру перед отправкой не мешает напиться чаю.

Пришел сторож — Георгий Дандуров. Пока жандармы рылись в комнате Козеренко — она-то как раз и не была «замазана», — Киц с Красиным успели передать ему всю нелегальщину, и Дандуров, разводя самовар, сжег ее.

Георгий Дандуров до этого работал кучером конки и вступил в социал-демократическую группу, которой руководил Амель Енукидзе. Когда искровцы стали стягиваться на электростанцию, Енукидзе определил Дандурова на строительство, сначала поденщиком, а затем сторожем в контору.

Георгий исправно нес свою службу. Маячил перед входом таким грозным стражем, азиатом в мохнатой папахе, бешмете и мягких кавказских сапожках с острыми носами.

Когда сюда норовил проникнуть шпик, сторож накидывался на него. Свирепо вращая белками и неимоверно коверкая русский язык, он вопил на всю округу:

— Нэ вэлэно пустыть! Стырога запрыщено пастаронным! Сколько ни пытались полицейские и жандармы урезонить или подкупить его, он твердил свое:

— Нэ вэлэно. Дырэктор Лэоныд Барысовыч нэ разрышыл пастаронным.

Не объяснишь же этой образине, что шпик есть шпик, а не посторонний, не раскроешь тайн секретной агентуры.

С неграмотного дикаря взятки гладки. В конце концов жандармы отстали.

Меж тем сей дикарь запоем читал нелегальные книги, по заданиям Красина и Козеренко прятал и хранил в хорошо скрытых местах кипы брошюр, книг, прокламаций, нелегальную переписку, бланки паспортов.

Дандуров был толковым и безотказным помощником. Через него Красин осуществлял связь с внешним подпольем.

— Товарищ Георгий, — говорил он, — если к тебе придет некий грузин и скажет: «Твоя сестра должна пойти со мной», — прими его.

И действительно, через несколько дней появлялся молодой человек, смуглый и застенчивый, по-грузински вежливый и грациозный.

— Извиняюсь, — говорил он, — но ваша сестра должна пойти со мной.

Дандуров звонил по телефону Красину. Тот немедленно приезжал. Приказывал:

— Отправитесь в гостиницу «Кавказ». Займите столик, закажете бутылку вина. Когда я появлюсь, не обращайтесь на меня внимания. Но кто-нибудь один пусть последует за мной.

Так и делали. В результате происходила транспортировка ящиков листовок.

Или в контору на имя сторожа приходила телеграмма:

«Вашего брата искуса бешеная собака».

Дандуров нес ее Красину. Тот читал, тер переносицу и вполголоса печально пояснял:

— Плохо, брат. Арестован товарищ... — Потом, встав из-за стола и пройдясь по кабинету, решительно прибавлял: — На всякий случай предпримем следующие меры предосторожности...

Если ходишь над пропастью по шаткому и узкому мостику, смотри в оба. Не то полетишь вниз со смертоносной высоты.

Красин пристально вглядывался в окружающих, изучал и проверял их. Это не было подозрительностью, это было предосторожностью. Подозрителен тот, кто заранее не верит людям, презирает и боится их. Красин людей любил, а потому не боялся. Но проверять был обязан.

С годами он настолько понаторел в искусстве распознавать людей, что определял их с безошибочной точностью. Когда Аллилуев рассказал ему о своем новом знакомом — журна-

листе, который горячо высказывает симпатии к рабочему движению и предлагает от- Стр.12
дать себя делу освобождения рабочего класса, Красин насторожился: новый человек стремится в организацию, надо проверить его.

Несколько раз, как бы невзначай встретившись с журналистом в обществе и поговорив, он предостерег Аллилуева:

– Смотрите, не очень-то увлекайтесь своим новым знакомым. Этот друг рабочих, судя по тирадам, либо наивный интеллигент, мечтающий освободить пролетариат без политической борьбы, либо агент охранки, провокатор. И в том и в другом случае будьте с ним осторожны.

И действительно, впоследствии выяснилось, что этот журналист – провокатор.

Даже тогда, когда человек внушал полное доверие, Красин не полагался на эмоции, а тщательно проверял их разумом. Особенно если предстояло ответственное и важное задание.

Василий Андреевич Шелгунов приехал в Баку по выходе из Екатеринославской тюрьмы. Красин, хотя и принял его на работу, первое время никаких бесед на партийные темы не поддерживал. Если Шелгунов пытался их завести, уклонялся от разговора.

– Как-нибудь потом... В другой раз... Сейчас недосуг...

Шелгунов недоумевал. Он прибыл к Красину в Баку не для того, чтобы перебиваться заработками на электростанции. Передовой пролетарий, профессиональный революционер, воспитанник Ленина по «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса», Шелгунов видел цель своей жизни в партийной работе. А тут на тебе – недосуг.

Прошел месяц. За этот срок – Шелгунов, конечно, не знал об этом – Красин успел списаться с товарищами, знавшими Василия Андреевича, получил исчерпывающие характеристики, незаметно, но основательно пригляделся к нему и изучил его, твердо убедился в том, что он действительно Василий Андреевич Шелгунов, а не кто-то другой, выдающий себя за него.

И вот однажды к Шелгунову прибежал конторский мальчик-рассыльный.

– Вас требует к себе директор. Осмотреть проводку электрического звонка.

На квартире Красин сам открыл ему дверь, провел в кабинет, усадил в кресло.

– Дело не в звонке, – напрямик заявил он. – Вы мне понадобились совсем по другой okazji. Она вкратце сводится к следующему...

Дело было чрезвычайной важности. Оно касалось подпольной Типографии.

Ее создал Ладос Кецохели, человек невероятной смелости и виртуозной изобретательности, лучистый, искристый, широкий, «гениальный», – как назвал его Красин, – организатор подпольной типографии».

Задумав ее, Кецохели сразу же натолкнулся на, казалось бы, непреодолимую трудность. Печатную машину, шрифт, бумагу не купишь на бакинском толчке И контрабандой в Россию не провезешь. Чтобы приобрести все это, нужно иметь губернаторское свидетельство на право открытия типографии. А кто его выдаст? Где сыскать добряка губернатора?

Но Кецохели был не из тех, кто пасует перед первой же трудностью. Он за всю свою бурную, трагически оборвавшуюся жизнь ни разу не отступал от задуманного.

Поразмыслив, он нашел поразительное по своей простоте и надежности решение.

На титульном бланке елисаветпольского губернатора – раздобыть такой бланк не составляло большого труда – было выписано удостоверение, разрешающее Давиду Иосифовичу Деметрашвили (имя, под которым жил Кецохели) открыть в любом из городов Кавказа типографию. Подпись губернатора разумеется, подделал сам Кецохели.

Итак, документ налицо. Но с подложной подписью. Осмотрительный Красин сразу же указал на уязвимость бумаги. Начинать такое большое дело с «грязными» документами – значит подвергать прекрасную затею риску провала.

Но Кецохели лишь усмехнулся в ответ. У него все было идеально продумано.

Он взял Удостоверение, снял с него копию и засвидетельствовал у бакинского нотариуса.

Теперь он стал обладателем идеально «чистого», без единой подложной подписи документа. О нем можно было смело приступать к покупке типографского оборудования.

После долгих поисков Кецохели разыскал у бакинского типографщика Промышлянского старенькую малогабаритную машину форматом с лист писчей бумаги. В конце концов удалось сторговаться в цене, относительно невысокой – 900 рублей.

Красин, Козеренко и Киц наскребли 800, остальное было поручено добыть Авелю Енукидзе.

Он сел в поезд и поехал в Тифлис за помощью к тамошним социал-демократам.

В шумном и чадном духане близ вокзальной площади Енукидзе встретился с руководите-

лем тифлисцев Сильвестром Джигладзе и сумрачным, молчаливым молодым челове- Стр.13
ком по имени Коба, или Сосо, как его иногда называл Джигладзе.

Джигладзе похрустывал ядреной пунцовой редиской, тянул кисловатое вино и рассеянно поглядывал по сторонам, а Коба внимательно слушал, не сводя с Енукидзе пристального взгляда глубоких, холодновато-недоверчивых глаз.

В деньгах—речь шла о 100–150 рублях—бакинцам было отказано. Тифлисцы хотели, чтобы подпольная типография целиком находилась под их контролем и руководством.

Енукидзе уехал ни с чем. И лишь потом, после того как детище Кецховели вступило в строй и тифлисской организации были продемонстрированы первые оттиски, в Баку были посланы два наборщика, а также выданы деньги на бумагу, краску и другие материалы.

Подпольная типография Кецховели заработала вовсю. Она печатала нелегальную грузинскую газету «Брдзола» («Борьба»), прокламации и листовки Бакинского комитета, выпустила несколько номеров ленинской «Искры», иного, чем обычный, маленького формата.

Как вдруг стряслась беда — арестовали Ладю Кецховели. узнав об этом, Авель Енукидзе схватил первого попавшегося извозчика и помчался на Баиловку, к Красину.

Было раннее утро, едва занимался рассвет. Енукидзе понимал: приезд техника на квартиру к директору, да еще в такое время, вопиюще неконспиративен. Но что поделаешь, надо срочно спасти типографию от провала.

Это сразу же уразумел и Красин, когда Енукидзе, ворвавшись в спальню, разбудил его.

Сложность дела заключалась в том, что хозяин помещения, где находилась машина, старик татарин Али-Баба, знал лишь Кецховели и никому другому не выдавал машину, которую необходимо было как можно скорее увезти подальше от греха.

Красин, не теряя времени, отправился к Али-Бабе.

Просидел у него часа два, не меньше. К концу визита они сошлись на короткую ногу, так что старик, на прощанье хлопая веселого и обходительного барина по плечу, приговаривал: — Ты ко мне придешь — гостем будешь. Я к тебе приду — гостем буду.

Столь скорому сближению немало способствовало то, что Красин пообещал Али-Бабе 200 рублей отступных и несколько золотых пятирублевок выдал в виде аванса.

Надо было ковать железо, пока оно горячо. Поэтому, вернувшись домой, Красин тут же послал мальчика-рассыльного за Шелгуновым.

Он поручил ему забрать машину и скрытно переправить в другое место. Сделать это было сподручнее всего Шелгунову, человеку в Баку новому и малоизвестному.

На другой день Шелгунов вместе с рабочим электростанции Меликьяном, по кличке «Дедушка», явился к старику за обещанной машиной.

Али-Баба отдал ее, правда не преминув при этом содрать лишние полсотни рублей.

Машина была отвезена на пристань и сдана в багаж для отправки в Красноводск.

Утром следующего дня Шелгунов пришел на пристань, предъявил багажную квитанцию и заявил, что груз в Красноводск не пойдет, а останется в Баку. Пусть пока что полежит на складе. Хранение, разумеется, будет оплачено вперед, наличными.

Еще через несколько дней, когда удалось, наконец, найти надежное пристанище, Шелгунов опять явился на пристань, на сей раз с ломовиками, и благополучно доставил ценный груз в безопасное место.

Вскоре подпольная типография заработала вновь.

Теперь вместо Ладю Кецховели ею руководил Трифон Теймуразович Енукидзе, подпольная кличка «Семен».

Товарищ Семен был человеком оборотистым, деловым, что называется, с размахом. Он стал ставить дело на широкую ногу. И сразу же получил поддержку Красина, ярого врага кустарничества, ясно понимавшего, что хорошо поставленная типография быстро окупится.

На пустынной улице в татарском районе, на окраине города, где люди жили замкнуто, нелюдимо, сторонясь полиции и недолюбливая ее, был снят в аренду небольшой домик с отдельным двориком, обнесенным на восточный манер высокой глухой стеной.

Одно из помещений было приспособлено под торговую лавку.

В домике поселился Семен с матерью и братом, конечно фиктивными, но снабженными такими документами, к которым не подкопаешься.

По утрам к крыльцу с козырьковым навесом подкатывал фаэтон, и в него усаживались Семен с матушкой. Добропорядочный коммерсант, отправляющийся по делам в город.

Возвращаясь, он подъезжал к татарским лавкам, что были напротив дома, заходил, делал покупки. Не так чтобы большие, но и немалые, как подобает коммерсанту средней руки,

живущему не в богатстве, но в достатке. Беседовал с хозяевами. О том, о сем, а больше Стр.14 ни о чем — ни слова о политике, — и, распрощавшись, удалялся в свой тихий, малолюдный, почти никем не посещаемый дом.

Меж тем сей пустынный домик был переполнен. Тут, помимо Семена, «матери» и «брата», жило еще семеро (вначале пятеро).

Их никто не видел. И они не видели никого, кроме Семена.

Их никто не слышал.

О них никто не подозревал.

Семеро невидимок, семеро домовых, незримых и неведомых, рано поутру входили в стеной шкаф с двустворчатой стеклянной дверью, находившийся в одной из комнат.

И исчезали из дому.

Словно проваливались в тартарары.

Дно шкафа служило входом в подпольную типографию.

Никто из семерых в открытую не появлялся на улице.

Даже во дворик, огороженный высокими стенами, выходили только темными ночами. Тихо, осторожно, неслышно ступая босыми ногами по мягкой густой траве.

И тут же ложились наземь, чтобы неясными тенями не чернеть в темноте.

Лежа на спине в пахучей траве, глядели в необъятное южное небо с яркой россыпью звезд. И слушали старшего — Авеля Енукидзе, шепотом рассказывавшего о мерцающих вдали туманных и загадочных мирах.

И лишь раз в неделю, не больше чем по двое, тайком выбирались в людный мир. После того как Семен, удостоверившись, что кругом все пусто, подавал условный сигнал, выскальзывали на улицу и в темноте пробирались на вокзал. Чтобы сесть в вечерний поезд и уехать на день в Тифлис, Кутаис или Батум.

Семеро духов, будто не существовавших во плоти, были рабочими подпольной типографии, высококвалифицированными наборщиками и печатниками. Все, кроме одного — старшего, Авеля Енукидзе. Он выполнял всю черную работу, был чем-то вроде подсобного рабочего.

С утра до сумерек, по десяти часов в сутки, не считая часового перерыва на обед, они набирали, печатали, брошюровали. В глубоком подполье, летом при отчаянной жаре, вооруженные револьверами на случай, если придется вступить в бой с полицией и жандармами.

«Помещение, где была установлена и работала эта машина, — вспоминает о подпольной типографии Красин, — было отделено от дома, в котором жили наборщики и печатники. особым подземным ходом, закрывающимся массивной, опускавшейся в подполье дверью-западней, которую никоим образом нельзя было найти, не зная секрета. Само печатное помещение освещалось спирто-калильной лампой и со всех сторон было закрыто, помещаясь внутри обширной постройки, заключавшей в себе на соседнем владении экипажные сараи, конюшни и амбары для овса, ячменя и фуража. Только произведя самый точный наружный обмер стоявшего на чужом владении соседнего здания и измерив все внутренние камеры и помещения, можно было бы, нанеся все это на план, увидеть, что в середине остается какое-то пустое место, к которому нет доступа из других частей помещения. В этом-то месте и помещалось печатное отделение нашей типографии, связанное потайным ходом с другим домом на соседнем участке, в котором жили А. С. Енукидзе и другие товарищи».

Перенести печатную часть типографии в подполье надумал Семен. По элементарным законам конспирации мысль эта была еретичной. Татарин — владелец извозного заведения, хозяин конюшни, сараев и амбаров с фуражом, расположенных на сопредельном участке, — мог заподозрить неладное, и тогда типография была бы поставлена под удар.

Поначалу план Семена был категорически отвергнут всеми.

Всеми, кроме Красина. Как ни странно, именно он, один из самых строгих конспираторов, план этот поддержал.

Почему?

Во-первых, потому, что он сулил слишком большую выгоду, чтобы отказываться от него. Если бы даже произошел провал и все, кто находился в жилом доме, были арестованы, скрытая в подполье типография все равно осталась бы недосыгаемой и сохранилась бы в полной целости и невредимости. Выждав некоторое время, надо было лишь вновь арендовать жилой дом, и типография заработала бы опять.

Во-вторых, Красин слишком хорошо знал Семена, чтобы не верить ему. Он понимал, что

Семен взвесил все «за» и все «против», прежде чем принять решение. Ему было хорошо известно, что Семен долго и досконально изучал извозопромышленника, проник в его мысли и чувства, узнал его симпатии и антипатии, выяснил его нелюбовь к царизму, наконец, стал другом его и мог прозакладывать голову, что тот в случае беды не подведет и не выдаст. Стр.15

Семен верил в человека и верил человеку. Разумеется, предварительно изучив его. Так обычно поступал и Красин. Законы, в том числе и конспирации, не могут быть годны на все случаи жизни. Нередко жизнь вносит в них поправки. Тот, кто слепо следует букве закона, пытается ею прикрыть свою робость перед личной ответственностью. Семен был не робкого десятка. Красин тоже. Поэтому он и поддержал Семена.

Для покупки конюшни нужны были деньги. Две тысячи. Глухой ночью порой на одной из явочных квартир состоялось в городе заседание, на котором присутствовали Козеренко, Киц, Гуковский, Флеров и Красин. Решено было, что Гуковский, служивший бухгалтером в городской управе, получит у городского головы — им был известный народник А. И. Новиков — разрешение взять деньги взаймы из кассы управы.

Новиков относился к Гуковскому с величайшим доверием и уважением, как революционер к революционеру, хотя и разных направлений. Он разрешил заем.

Месяц спустя Красин раздобыл требуемую сумму, и деньги вернулись в кассу управы.

Конюшня была куплена, типография расширена, но неумный Семен не успокаивался. Печатная машина была стара. Работала она с отчаянным стуком. Впрочем, от этого греха кое-как сумели избавиться. При огромных связях Красина в техническом мире Баку удалось без особенного риска разместить в различных механических мастерских города несколько заказов на ремонт частей.

Хуже было другое — машина была маломощна. Она нуждалась в замене. Новой, современной, быстроходной.

Такую машину можно было выписать из-за границы. Семен придумал, каким путем это сделать. Остановка была только за деньгами.

Вот за ними-то и стал он ходить к Красину. Часто, настойчиво, неотступно. Доказывая, упрашивая, уговаривая. требуя.

Пока Красин, наконец, не пустился на розыски нужных денег. А их требовалось немало — две-три тысячи рублей.

Выручка пришла с неожиданной стороны, от Веры Федоровны Комиссаржевской, приехавшей в Баку на гастроль.

Красин покорила прославленную актрису, ошеломив ее неслыханной смелостью, размахом, откровенностью, доверием, которое, казалось, не знает границ.

В один из гастрольных спектаклей в уборную к Вере Федоровне постучали. На пороге стоял высокий, стройный мужчина, еще молодой, но виски чуть побелели и клинышек бородки кое-где слегка тронула седина.

Холеный, породистый, в светлом, отливающим сталью элегантном костюме.

Ничего не скажешь, красив.

Комиссаржевская невероятно устала. Впереди еще целый акт, тяжелый, изнурительный, она не испытывала ни малейшего желания вступать в беседу.

Тем более что разговор, вероятно, предстоял банальнейший. Очередной поклонник, к тому же провинциальный.

Как бы поделikatней да побыстрее отделаться от этого господина?

Но в беседу вступил он.

И с первых же слов ошеломил ее.

— Вы революционерка? — плотно прикрыв за собой Дверь и широко шагнув в комнату, спросил он в упор.

Вопрос был настолько неожидан и смел, что она даже не нашла слов для ответа. Только кивнула головой.

— В таком случае сделайте вот что... Говорил он твердо, спокойно, звучным и ровным голосом, слегка чеканя слова.

И она подчинилась. Во всей его повадке, скупой, сдержанной, сильной, было столько воли, что не подчиниться было невозможно.

Комиссаржевская поступила точно так, как предлагал Красин. Она дала благотворительный концерт.

«В Баку меня любят, — вспоминала она. — Начальник жандармов — мой поклонник. У него

в квартире мы и устроили концерт. Закрытый, только для богатых. Билеты не дешевле Стр.16
пятидесяти рублей... Я пела, читала, даже танцевала тарантеллу... Успех полный... В антракте
мне поднесли букет... из сторублевки. Леонид Борисович, красивый, во фраке, понюхал
букет, смеется: «Хорошо пахнет...» И мне на ухо:

«Типографской краской пахнет!..» Дело-то в том, что сбор с концерта шел на подпольную
типографию. После концерта у меня в уборной — вся местная знать... Благодарят, целуют
мне руки. Леонид Борисович стоит в сторонке, ухмыляется. Распорядитель вечера подносит
мне на блюде выручку с концерта... Что-то несколько тысяч. Деньги перевязаны ленточкой
с бантом».

Получив, наконец, деньги, Семен начал действовать. Он пришел к владельцу небольшой
типографии «Арор» Ованесьянцу и, отрекомендовавшись служащим общества «Электричес-
кая сила», одним из директоров которого был Красин, сказал, что ему поручено создать
типографию общества.

Он предлагает господину Ованесьянцу за солидные комиссионные выписать из-за границы
новую печатную машину для будущей типографии общества.

Ованесьянец охотно согласился. Почему бы не заработать на таком простом и несложном
деле?

Но когда из Германии прибыла покупка, у типографщика загорелись глаза. Машина была
отличная. Новехонькая, большого формата, скоропечатная — она играючи давала свыше
двух сотен оттисков в час формата «Искры». Последнее слово техники. Продукция знамени-
того Аугсбургского завода.

Ованесьянец справедливо решил, что такая машина явится украшением его собственной
типографии и просто грех расставаться с ней.

Он наотрез отказался выдать машину. Никакие уговоры не помогали. Типографщик неко-
лебимо стоял на своем, чуть ли не силой пытаясь всучить обратно полученные ранее деньги.

Семен ушел ни с чем, поняв, что все дальнейшие разговоры — пустая трата времени. Доб-
ром не поладишь, в суд или в полицию тоже не пойдешь. Надо искать какой-то другой
выход.

И он нашел его.

Вместе со своими товарищами подъехал на нескольких подводах к складу фирмы «Арор»,
расположенному вдали от типографии, на тихой, малолюдной улице.

Не оглядываясь по сторонам, уверенной походкой приблизился к дверям склада, специаль-
но припасенным ломиком деловито взломал замки и запоры, вошел внутрь и махнул рукой:
— Выноси!

Подпольщики вошли в склад и вынесли три огромных ящика, в которых была упакована
машина.

Когда ношу стали грузить на подводы, подошел городской.

— Пособи, земляк! — прокричал один из подпольщиков, Вано Стуруа.

И городской послушно взялся за работу, — кряхтя, он помогал грузить машину для под-
польной типографии.

С той поры Ованесьянец машины не видел. Она будто провалилась сквозь землю. Впрочем,
словечко «будто» здесь не к месту. Машина действительно ушла под землю. Установленная в
подполье, она стала главной частью бакинской типографии РСДРП, получившей кличку
«Нина».

«Нина» работала на славу, ходко, деловито, слаженно. С матриц, доставлявшихся из Жене-
вы, печаталась ленинская «Искра», точно такого же формата и качества печати, что и ориги-
нальная. Сопоставляя номера, люди терялись, не зная, какой женеvский, а какой бакин-
ский.

«Бакинская типография снабжала чуть не всю Россию «Искрой», — писала Крупская.

«Нина» также выпускала листовки, прокламации, обращения и воззвания. Одних только
первомайских листовок однажды было напечатано 200 тысяч экземпляров.

Продукция «Нины» растекалась по всей стране. По поручению Красина люди, специально
выделяемые им, пудами развозили нелегальную литературу по градам и весям России — в
Ростов, Екатеринослав, Нижний, Петербург.

Как-то Шелгунов повез по такому маршруту пятипудовый транспорт нелегалыщины. В первых
трех городах все прошло благополучно, но в Петербурге он засел, однако успев сдать остаток
литературы по указанному Красиным конспиративному адресу.

Месяца через полтора он вернулся в Баку после отсидки, довольный и радостный, — зада-

ние, несмотря ни на что, было выполнено.

Остался доволен и Красин — вся литература пошла по назначению, да еще в кассу типографии Шелгунов привез 100 рублей выручки.

Начало деятельности «Нины» было более чем примечательным. Первые оттиски, выпущенные ею, были перепечаткой чрезвычайно важной статьи «Искры» — «Извещение о II съезде Российской социал-демократической партии».

Оригинал, с которого набирался текст, тайно прибыл из-за границы. Это было множество мелких молочно-сизых листков светочувствительной пленки. Случись провал, пленка попала бы на свет, и в руках жандармов оказались бы пустые листки без единого слова текста.

Поздней ночью в тиши опустелой конторы «Электрической силы» Красин заперся в темной фотографической лаборатории. Страничку за страничкой проявлял он оригинал и, едва успевая прочитывать, тут же засылал в набор.

А через несколько дней десятки тысяч экземпляров статьи разошлись по нелегальным каналам, чтобы проинформировать партийные комитеты разных городов о том, что произошло в Брюсселе и Лондоне на съезде.

Информацию ожидали с нетерпением и надеждой, как в злую засуху ждут ливня. Это не удивительно. II съезд должен был создать и, наконец, действительно создал революционную марксистскую партию, с Уставом, Программой и центральным руководящим органом, партию, основанную «на тех принципиальных и организационных началах, которые были выдвинуты и разработаны «Искрой».

Она рождалась в жестоких схватках и непримиримых боях с оппортунистами разных имен и мастей — «экономистами», «рабочедельцами», бундовцами и другими. На съезде и после него оплотом и главной воинствующей силой оппортунизма стали меньшевики.

При выборах руководящих партийных органов сторонники Ленина, твердые искровцы получили большинство и стали называться большевиками.

«Мягкие» искровцы, «экономисты» и другие противники «Искры» получили меньшинство и стали называться меньшевиками.

Историческое значение II съезда состояло в том, что он создал в России партию нового типа, ленинскую партию большевиков. Как писал Ленин: «Большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года».

Еще тогда, когда шел съезд, один из делегатов, М. Лядов, разговаривая с Лениным, упомянул имя Никитича.

«Ильич, — вспоминает М. Лядов, — с восторгом отозвался о нем, как о человеке, который умеет делать большую практическую работу и в то же время является убежденным, стойким «искровцем».

Вскоре после II съезда Красин был кооптирован в члены Центрального Комитета РСДРП.

Революционная закваска была в нем настолько крепка, что он даже мысли не допускал, что легальная деятельность может запятнать деятельность нелегальную. Повседневное соприкасаясь с представителями враждебных классов, он не боялся оскоромиться. Он был достаточно смел и силен, чтобы не бояться самого себя и не доверять себе. А сектантская боязнь соращения как раз и рождается неверием в человека и недоверием к нему. Хотя в партии были и такие, кто придерживался подобных взглядов.

Один из местных комитетчиков, сумрачный и медлительный, молодой, но уже набиравший силу, не без гордости говорил:

— Мое счастье, что всего себя я мог пожертвовать только на революционную партию, — в его холодновато-недоверчивых глазах появлялось насмешливое презрение. — Если бы мне пришлось служить или работать в конторе, я неизбежно бы оказался под тем или другим мешанским «влиянием», — тут насмешливость исчезала, уступая место злой беспощадности. — Я потерял бы ясность мысли и революционную энергию, как это и случилось со всей революционной интеллигенцией, которая такой службой зарабатывает себе хлеб, — все равно, какой службой, хотя бы даже в конторе либерального буржуа.

Совсем по-иному думал Ленин. Он говорил:

— Никитич именно благодаря своему легальному положению может сделать для партии то, что никто из нас сделать не может.

И Никитич делал. Делал невероятно много. Делал то, в чем нуждалась партия, недавно рожденная и постепенно встающая на ноги.

После II съезда нужно было решать такие важные, жизненно насущные задачи, как:

создание централизованного технического аппарата;
 установление службы связи с широко разветвленной и сложной системой адресов, явок, паролей;
 организация партийных финансов;
 налаживание типографской техники и техники транспортирования с систематической переправкой людей из-за границы и обратно, перевозкой и распределением нелегальной партийной литературы.

К решению этих сложнейших задач партия приступила всерьез, масштабно, с истинно ленинскими деловитостью и размахом.

«С появлением центра, — писал Красин, — созданного заграничным съездом, и с кооптацией этим центром ряда партийных работников, действовавших в самой России, создалась впервые постоянная связь между Женевой и теми главнейшими промышленными центрами России, в которых велась практическая социал-демократическая работа».

Львиная доля всех этих дел легла на плечи Красина. Груз далеко не легкий. Но не непосильный. Особенно для него.

Он нес поклажу умеючи, сноровисто, ходко. Не пригибаясь от тяжести, не спотыкаясь и не сбавляя шага.

Это дружно подтверждают товарищи по партии, те, кто вместе с ним и с множеством других бойцов ленинской гвардии нес ту же самую ношу.

Они свидетельствуют:

Яков Ганецкий:

— До 1908 года фактически организационное руководство партией находится в руках Красина. Он организовал транспорт нелегалы из-за границы, большие подпольные типографии, изыскивал материальные средства и оружие для партии.

Мартын Лядов:

— Красин был крупнейшим организатором и руководителем всей подпольной техники, всех боевых выступлений нашей партии.

Авель Енукидзе:

— Владимир Ильич прекрасно знал все отличительные стороны характера Леонида Борисовича и в высшей степени ценил его... Все труднейшие организационные вопросы, труднейшие вопросы финансового характера нашей партии и труднейшие вопросы связи и переговоров с другими группами внутри социал-демократии и с представителями других партий Владимир Ильич поручал Леониду Борисовичу. Леонид Борисович великолепнейшим образом умел договариваться и с меньшевиками, и с эсерами, и с представителями кадетской партии, ни на секунду не принижая принципов большевизма. И Владимир Ильич очень ценил в нем все эти качества. Леонида Борисовича в тот период безусловно можно было назвать ближайшим соратником и сотрудником Владимира Ильича

Деньги, деньги и еще раз деньги — вот что составляло предмет его постоянных забот.

Типографская техника, бумага, шрифт, краска, содержание наборщиков и печатников, перевозка литературы, ее хранение, плата за фрахт, за аренду складов и помещений, расходы на подставные предприятия, на побег, на переправу людей через границу, мзда контрабандистам, помогавшим нелегально переходить через нее, — все это стоило уйму денег.

Он, и ложась спать и вставая, неотступно думал о словах Наполеона, что «деньги — это нерв войны».

Действительно, в той войне, которую партия вела с самодержавием, пока еще исподволь, незримо, но ожесточенно, не на жизнь, а на смерть, деньги нужны были позарез.

И Красин всю неукротимую силу своей энергии и размашистый талант организатора обратил на добычу их.

Скромные средства, какие поступали от членских взносов, почти целиком уходили на нужды местных комитетов либо переправлялись за границу в поддержку «Искры».

Надо было изыскивать другие, дополнительные источники.

Он искал их.

И находил.

С помощью Горького связался с А. Цюрупой, в то время управляющим крупными именными Кугушева в Уфимской губернии. И оттуда стали систематически приходить в Баку значительные суммы.

Коллега Красина, видный инженер-путеец и замечательный писатель Н. Г. Гарин-Михайловский также поддерживал партию материально. Однажды, как пишет Горький, он привез

ему «для передачи Л. Б. Красину в кассу партии 15 или 25 тысяч рублей».

Немалую роль в этом сыграли как ненависть Гарина к царизму, так и симпатия и уважение к Красину. Недаром Гарин говаривал Горькому:

– Вас надо познакомить с Леонидом Красиным, он бы с вас в один месяц все анархические шишки сточил, он бы вас отшлифовал!

Надвигалась революция. Ее неминуемость ощущалась не только в том, как все выше вздымались валы рабочего и крестьянского движения, но и в том, как росла ненависть к самодержавию во всех прочих слоях населения российской земли.

Этому немало способствовала русско-японская война, развязанная царизмом. Война кровавая, антинародная, явно на проигрыш. С бездарными генералами, с иконками и образами вместо ружей, с жестокими поражениями.

Даже буржуазия, у которой, по меткому выражению Плеханова, еще не атрофировались жабры, какими она дышит в мутной воде абсолютизма, но уже начинают развиваться легкие, требующие чистого воздуха политической свободы, начинала роптать. Несмотря на всю ее подлость и трусливость.

Всем этим пользовался Красин. Он разменивал ненависть к царизму на деньги, необходимые партии. Не говоря уже о крупных адвокатах, инженерах, врачах, в числе его исправных данников, ежемесячно выплачивавших от 5 до 25 рублей, были и директора банков и государственные чиновники.

Среди плательщиков были даже сторонники монархического журнала «Освобождение», издававшегося за границей П. Струве, хотя тот, теперь уже не чинясь, без обиняков, заявлял:

– Можно быть марксистом, не будучи социалистом. В своих поисках средств для пополнения партийной кассы Красин был неистощим на выдумку, ошеломительно широк и смел.

Он надоумил Горького использовать приятельские отношения с Саввой Морозовым и попросить у него денег.

– Конечно, наивно просить у капиталиста денег на борьбу против него, но «чем черт не шутит, когда бог спит»!

«Деловая беседа фабриканта с профессиональным революционером, разжигавшим классовую вражду, – пишет Горький, – была так же интересна, как и коротка. Вначале Леонид заговорил пространно и в «популярной» форме, но Морозов, взглянув на него острыми глазами, тихо произнес:

– Это я читал, знаю-с. С этим я согласен. Ленин – человек зоркий-с.

И красноречиво посмотрел на свои скверненькие, капризные часы из никеля, они у него всегда отставали или забегали вперед на двенадцать минут. Затем произошло приблизительно следующее:

– В какой же сумме нуждаетесь? – спросил Савва.

– Давайте больше.

Савва быстро заговорил, – о деньгах он всегда говорил быстро, не скрывая желания скорее кончить разговор.

– Личный мой доход ежегодно в среднем шестьдесят тысяч, бывает, конечно, и больше, до ста. Но треть обыкновенно идет на разные мелочи, стипендии и прочее такое. Двадцать тысяч в год – довольно-с?

– Двадцать четыре – лучше! – сказал Красин.

– По две в месяц? Хорошо-с.

Леонид усмехнулся, взглянув на меня, и спросил: нельзя ли получить сразу за несколько месяцев?

– Именно?

– За пять примерно?

– Подумаем.

И, широко улыбнувшись, пошутил:

– Вы с Горького больше берите, а то он извозчика нанимает за двугривенный, а на чай извозчику полтинник дает.

Я сказал, что фабрикант Морозов лакеям на чай дает по гривеннику и потом пять лет вздыхает по ночам от жадности, вспоминая, в каком году монета была чеканена.

Беседа приняла веселый характер, особенно оживлен и остроумен был Леонид. Было видно, что он очень нравится Морозову, Савва посмеивался, потирая руки. И неожиданно спросил:

– Вы – какой специальности? Не юрист ведь?

– Электротехник.

– Так-с.

Красин рассказал о своей постройке электростанции в Баку.

– Видел. Значит, это – ваша? А не могли бы вы у меня в Орехово-Зуеве установку освещения посмотреть?

В нескольких словах они договорились съездить в Орехово... Затем они отправились к поезду, оставив меня в некотором разочаровании. Прощаясь. Красин успел шепнуть мне:

– С головой мужик!

Я воображал, что их деловая беседа будет похожа на игру шахматистов, что они немножко похитрят друг с другом, поспорят, порисуются остротой ума. Но все вышло как-то слишком просто, быстро и не дало мне, литератору, ничего интересного. Сидели друг против друга двое резко различных людей, один среднего роста, плотный, с лицом благообразного татарина, с маленькими, невеселыми и умными глазами, химик по специальности, фабрикант, влюбленный в поэзию Пушкина, читающий на память множество его стихов и почти всего «Евгения Онегина». Другой – тонкий, сухощавый, лицо по первому взгляду как будто «суздальское», с хитрецей, но, всмотревшись, убеждаешься, что этот резко очерченный рот, хрящеватый нос, выпуклый лоб, разрезанный глубокой складкой, – все это знаменует человека по-русски обаятельного, но не по-русски энергичного.

Савва, из озорства, с незнакомыми людьми притворялся простаком, нарочно употреблял «слово-ер-с», но с Красиным он скоро оставил эту манеру. А Леонид говорил четко, ясно, затрачивая на каждую фразу именно столько слов, сколько она требует для полной точности, но все-таки речь его была красочна, исполнена неожиданных оборотов, умело взятых поговорок. Я заметил, что Савва, любивший русский язык, слушает речь Красина с наслаждением».

Как неустанный рудокоп, дни напролет долбящий и отваливающий неподатливую породу, чтобы добыть частицы драгоценной руды, Красин по скупым рублям и десяткам, по сотням и тысячам сколачивал партийную кассу.

Практик, он со всей страстью своей неумной натуры ушёл в практическую работу, восхищался ею и романтизировал ее.

Как-то он услышал примечательный разговор. И накрепко запомнил его.

Рабочий-грузин объяснял своему товарищу-рабочему, тоже грузину, разницу между теорией и практикой.

– Понимаешь, теоретически – это как сшить сапоги. А практически – это сшить сапоги.

Он обосновался в Орехово-Зуеве. Прекрасно: до Москвы – рукой подать.

Переезд происходил самым обычным, наилегальнейшим образом. В нескольких купе первого класса, с бесчисленной кладью и багажом, частью отправленным пассажирской, а частью малой скоростью.

Крупный инженер по приглашению крупного промышленника следовал к месту новой службы. Доходному и выгодному.

Еще находясь в Баку, он зимой взял отпуск и приехал на несколько дней в Москву. Здесь в Электрическом и политехническом обществе был объявлен доклад о бакинских электрических установках.

И тема и сам докладчик, помощник управляющего крупнейшим в стране Электрическим обществом, инженер с именем, уже завоевавшим известность в деловом и техническом мире, вызвали интерес.

Лекционный зал был переполнен

Красин не разочаровал слушателей, хотя были они сведущи, дотошны, придиричивы.

Доклад был глубок и основательно фундирован. В нем содержалось немало острых проблем. Он изобилдовал фактами, цифрами, выкладками, примерами. Демонстрация диапозитивов и диаграмм подкрепляла тщательно продуманные выводы

Среди слушателей был Савва Морозов. Он слушал, поблескивая хитроватыми татарскими глазками, и отрывался лишь для того, чтобы поспешно нацарапать что-то в своем потрепанном блокноте.

Впечатление, создавшееся после первой встречи, еще больше укрепилось в нем теперь.

Не успели окончиться прения, как он захлопнул книжицу, сунул в задний карман сюртука и заспешил к эстраде.

Савве все было ясно. Быстрый в решениях и решительный в делах, он тут же предложил

Красину стать строителем и заведующим центральной электрической станцией на своей фабрике в Орехово-Зуеве. Стр.21

И не раскаивался.

— Хорош, — отзывался он впоследствии о своем новом служащем. — Прежде всего — идеальный работник. Сам любит работу и других умеет заставить. И — умен. Во все стороны умен. Глазок хозяйский есть: сразу видит цену дела.

В том, что Морозов принял решение пригласить Красина, немалую роль сыграла и Мария Федоровна Андреева, жена Горького, актриса Художественного театра, напрямую связанная с большевиками. Она все время напоминала Савве о Красине, расхваливала его на все лады, убеждала Морозова, что лучшего электрического инженера ему не найти.

Именно по ее настоянию Савва отправился в Электрическое и техническое общество на доклад.

Недели через три Красин получил официальное приглашение от правления «Морозовской мануфактуры» и, ликвидировав бакинские дела, приехал в Орехово.

Работы здесь оказалось невпроворот. Дело, задуманное Саввой, было новым, большим.

Морозов любил и ценил технику, пристально следил за всеми ее новинками. Со вниманием поглядывая на Запад, он рачительно отбирал все новое, перспективное, могущее принести экономическую выгоду. При этом он думал не только о прибыли, но и о техническом совершенствовании предприятия и о техническом прогрессе вообще.

— Европейец, — уважительно отзывался о нем Красин. — Рожица монгольская, а — европейец! — и прибавлял: — Европейец по-русски, так сказать.

Савва решил электрифицировать «Морозовскую мануфактуру». Лучшего исполнителя этого замысла, чем Красин, трудно было сыскать.

У него был опыт, помноженный на талант, техническая смелость и воля. Твердая воля исполнять задуманное. Невзирая на противодействие и сопротивление консерваторов.

А их в Орехове было полным-полно. Здешние техники, в большинстве толковые и опытные люди, привыкли жить по старинке, спокойно, не мудрствуя лукаво. Электрификационную затею Саввы они восприняли как блажь богатея-фабриканта, который бесится с жиру, от нечего делать. Поэтому Красин был встречен в штыки. Дело осложнялось тем, что Савва не был единовластным хозяином. «Морозовской мануфактурой» правили его мать и один из директоров, старый и ревностный служака, враг каких бы то ни было новшеств.

Наконец, — и это было самым существенным — о связях Саввы с большевиками проводили в семье. На этой почве зрела смута, готовая вот-вот разразиться свирепым раздором. Домочадцы грозили объявить Савву растратчиком, упрятать в сумасшедший дом. Московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович установил за ним наблюдение. Савва жаловался;

— В комнатах у меня делают обыски, недавно украли «Искру» и литографированный доклад фабричного инспектора с моими пометками... Легко в России богатеть, а жить — трудно! — и тихо, задумчиво прибавлял: — Только революция может освободить личность из тяжелой позиции между властью и народом, между капиталом и трудом.

Вопреки всему Красин делал свое дело. Упрямо, неколебимо, добросовестно. Так, как делал все дела своей жизни.

Он построил электрическую станцию турбинного типа, установил на ней паровую турбину, первую и единственную в России, — ее выписали из Швейцарии, — всерьез приступил к освещению, как тогда говорили, улиц, жилых домов и рабочих казарм электричеством.

И все это под непрерывным обстрелом недоброжелательства коллег-инженеров, скептически-недоверчивых замечаний директоров и членов правления, подозрительных взглядов и слежки агентов московской охраны, которыми Орехово кишело кишмя.

18 октября под огромным красным знаменем Совета на Невский вышли тысячи демонстрантов. По пути они срывали с вывешенных по случаю манифеста трехцветных государственных флагов белые и синие полосы и оставляли только красные.

Петербург алел кумачом.

«Веселое было время! — восклицает Красин. — Самая интенсивная работа по организации партии, создание технического аппарата, широчайшая пропаганда и агитация в массах... активная подготовка к вооруженному восстанию, целый ряд конспиративных предприятий и технических дел — все это целиком заполняло время, а тут еще надо было делать очередную легальную работу, прокладывать по улицам Петербурга десятки верст кабеля, модернизировать электрическую сеть переходом на высокое напряжение, строить трансформаторные под-

станции, вести обширные заводские электрические установки».

Сотни дел, легальных и нелегальных, конспиративных и неконспиративных, неотложных и дальнеприцельных, нахлынули на Красина. Другой захлебнулся бы в их бурном водовороте. А он чувствовал себя легко и свободно, как первоклассный пловец (каким он и был в действительности) на водной глади.

Дела, малые ли, большие, — впрочем, он никогда не разделял их: всякое дело должно быть сделано, и сделано хорошо, — составляли его стихию. Будучи деловым человеком, он требовал деловитости от других. И беспощадно искоренял интеллигентскую небрежность, эту, как он выражался, «отрыжку нигилизма».

Ему претило высокомерное отношение к мелочам, каждая из которых — звено общей цепи, составляющей огромное дело, которому он служил. Прорвись одно звеношко, и цепь рассыплется. Изволь skleпывать заново.

Перепутанный по небрежности адрес, ошибочно указанная явка, перевранный пароль — все эти, казалось бы, мелочи чреватые крупными последствиями.

Для него не существовало незначительного. Все, что он делал, было важным. И исполнялось на совесть.

Через его небольшой служебный кабинет на улице Гоголя почти нескончаемой чередой шли люди. Инженеры и подпольщики, адвокаты и промышленники, монтеры и боевики, предприниматели и цекисты. Единственное, что он требовал от нелегальных посетителей, быть почище одетыми, чтобы не разжигать любопытства охраны, и без того не в меру любопытной.

Каждому давался арифметически точный ответ на вопрос, с которым тот приходил. Либо рекомендовалось решение, продуманное досконально и до конца, с учетом малейшей детали.

Вано Стуруа, приехавшему в Питер по делам подпольной типографии, он не позабыл посоветовать вести себя с опаской и осторожностью в номерах, где тот остановился. Номера кишели осведомителями.

А когда Вано, который сам был не промах, объяснил, что прибыл в столицу с чемоданом кавказских вин и удостоверением представителя винодельческой фирмы общества «Мелани», он смущенно извинился:

— Прости, товарищ Вано, мою излишнюю назидательность. Оказывается, ты уже подковался насчет втирания очков агентам охраны.

И, обнимая на прощание старого друга, радостно хохотал: все же иной раз приятно и впросак попасть.

Он встречается с присяжным поверенным П. Н. Малянтовичем, который был адвокатом М. Ф. Андреевой. Вместе с ним часами просиживает над сводом законов в поисках путей получения выморочных страховых денег Морозова.

Вдова Саввы делает все, чтобы объявить недействительной предсмертную волю мужа. Но терпит крах. Благодаря хлопотам Красина партия получает эти деньги.

Он бомбит телеграммами Марию Федоровну Андрееву:

«Квартирой, типографией налаживается. Тиражом сорок тысяч свободно справимся. Необходимо внести залог рентой 5000. Только переводы, по возможности телеграфом. Жду доверенность!»

По его предложению Андреева становится издательницей первой легальной большевистской газеты «Новая жизнь». Кресло ответственного редактора (как тогда говорили, зиц-редактора, то есть редактора, предназначенного для отсидки) занял за солидное вознаграждение поэт Минский. Фактически же редактируют газету большевики А. А. Богданов, П. П. Румянцев и В. А. Десницкий (Строев), а направляет всю работу В. И. Ленин.

В поисках средств для «Новой жизни» Красин обратился за займом к доктору И. Г. Симону, сыну богатого предпринимателя. Тот раздобыл 10 тысяч рублей, а Красин покрыл их векселем, подписанным Горьким.

Когда в Петербург нелегально и под чужим именем прибыл из-за границы Ленин, Никитич определил его на квартиру к И. Г. Симону, где Владимир Ильич и прожил некоторое время.

Не ограничиваясь газетой, Красин открывает легальную типографию товарищества «Дело», выпускающую большевистские издания. Официальными владельцами ее считаются инженер М. И. Бруснев и С. Б. Лушникова, сестра Красина.

Ему кажется, что, наконец, пришло время свершиться пророчеству III съезда и что това-

рищи-бакинцы могут войти «в первую открытую легальную типографию РСДРП». Он вызывает из Баку Авеля Енукидзе. Приехав в Петербург, Енукидзе первым делом направляется на улицу Гоголя, в Электрическое общество 1886 года, и получает от Красина явку: Садовая, квартира инженера Бруснева. Стр.23

Когда он пришел к Брусневу, тут уже были Красин, Богданов, Постоловский, другие члены ЦК, руководители партии.

Но не они привлекли внимание Енукидзе. Он не сводил глаз с человека, который сразу же, едва он вошел, встретил его как старого знакомого, хотя виделись они впервые. — А, это и есть товарищ Амель! — воскликнул он. То был Ленин.

От Ильича исходило столько тепла, что Енукидзе высказал все, что у него наболело.

Легализовать бакинскую типографию нельзя. Лучше оставаться в тяжком подполье, лучше даже временно сидеть без дела, чем ликвидировать типографию.

Выслушав его, Ленин стал высмеивать тех, кто обольщается октябрьскими «свободами».

Но большинством голосов членов ЦК было решено типографию ликвидировать, а людей перевезти в Петербург для работы в большевистской легальной типографии. Машину же упаковать и отправить в Питер на предъявителя.

Некоторое время спустя бакинская «Нина» прибыла в Петербург вместе с наборщиками и печатниками. Семен стал техническим руководителем «Дела».

Как показала жизнь, выход «Нины» из подполья был преждевременным, а решение о ее легализации — ошибочным.

Те, кем пользовались как легальным прикрытием, доставляли немало хлопот. Минский и другие либеральные сотрудники «Новой жизни» получали от Красина плату за страх. Но не хотели испытывать ужаса. А при чтении каждого нового номера Минского охватывал ужас. Соглашаясь стать ответственным редактором основанной Красиным и Горьким газеты, он представлял ее неким мирным органом либерального толка, слегка пощипывающим правительство, что выглядело в те времена очень милым и, главное, модным.

Вместо этого «Новая жизнь» стала боевым органом большевиков, партийным рупором, с помощью которого Ленин разговаривал с революционными массами.

Минский попытался совершить в редакции «дворцовый переворот», рассчитывая при этом опереться на наиболее «культурных» большевиков. К таковым он относил Луначарского.

В ответ Луначарский лишь презрительно пожал плечами.

Так что по утрам газетчики продолжали звонко выкрикивать:

— «Новая жизнь»! Покупайте и читайте газету «Новая жизнь»!

Ее покупали. И ее читали. В ней были статьи Ленина — боевые указания большевикам в их повседневной работе.

Не многим лучше Минского вел себя другой либерал, книгоиздатель К. П. Пятницкий. В один из ноябрьских вечеров на Фонтанке, на квартире Е. Ф. Крит, сестры Андреевой, собрались Красин, Горький, Румянцев и Пятницкий. Был здесь и Ленин, но он, сидя в углу, хмурился, говорил мало, сдержанно и вскоре ушел.

Красин долго убеждал Пятницкого издавать в «Знании» партийную литературу. Тот отнекивался, ссылаясь на то, что выпуск большевистских брошюр будет стоить издательству жизни.

Как ни бился Красин, пытаясь прельстить Пятницкого коммерческой выгодой, как ни горячился и волновался Горький, взывая к святому долгу перед революцией, издатель остался непреклонным. Так ни с чем и разошлись.

Немалую долю забот по-прежнему доставляла добыча денег. Кому, как не «партийному министру финансов», было печься о них? Если прежде 75 тысяч в год хватало партии лишь в обрез, то теперь эта сумма выглядела жалкой и мизерной. Локомотив, все убыстряя бег, требовал горячего.

И Красин раздобывал его.

Руководствуясь требованием, сформулированным им еще на III съезде: «Необходимо, чтобы партия жила на свои средства, а не на подачки буржуазии», — он усилил контроль над местными комитетами. Жестче и тверже спрашивал с них. Добивался, чтобы регулярные взносы от рабочих шли не только на местные нужды, но и вливались в общепартийную кассу.

Он пополнял ее и за счет других, порой неожиданных и необычных поступлений.

Однажды к нему на квартиру на Литейном проспекте явилась девушка. Тоненькая, хрупкая, почти подросток, она краснела и не знала, куда деть беспокойные руки. Только сосре-

доточенно-пристальный взгляд темных, глубоких глаз выдавал решительность и волю. Стр.24

Девушка назвала себя — Кассесинова Фаня. Прислал ее один из подпольщиков.

Фане исполнилось 17 лет, и она задумала стать большевичкой. Но столкнулась с серьезным препятствием. Заключалось оно в том, что Фаня владела богатым имением, доставшимся ей по наследству от родителей. Богачи, считала будущая революционерка, не могут быть в партии. И она решила отдать партии все, что имела.

Но как это сделать? Распоряжаться своим состоянием она не была вольна. Решали за нее опекуны — помещики, совсем не склонные симпатизировать революции и большевикам.

Выход был только один — замужество. После брака опека перешла бы к мужу. С его разрешения имение могло быть продано, а деньги переданы кому угодно.

Вступать в настоящий брак Фаня не хотела, опасаясь, что семья станет помехой будущей революционной деятельности. Следовательно, полагала она, брак должен быть фиктивным.

Красин внимательно выслушал Фаню Черненькую (такова была впоследствии ее партийная кличка). Он не стал тешить ее ложными надеждами, а со всей суровостью и беспощадностью правды нарисовал картину будущего.

Впереди не розы, а тернии. Избалованная жизнью, выросшая в богатстве и комфорте девочка станет нищей, гонимой, бесправной. Вместо радостей — лишения, вместо полной свободы — беспредельное подчинение чужой воле.

«Я, — вспоминает Фаня Черненькая, — забыла, что со мной говорит член ЦК, со мной говорил отец-товарищ».

Только убедившись, что намерения девушки тверды, Красин решил:

— Хорошо. Партия деньги берет.

После долгих и тщательных поисков был, наконец, найден будущий «муж», который полностью удовлетворил опекунов.

Фиктивный брак состоялся. Деньги были переданы в партийную кассу.

Другой случай, схожий с первым, произошел в Москве. На Пресне была мебельная фабрика Николая Шмита, внука Викулы Морозова.

Юноша пылкий и страстный, он был преисполнен любви к людям и беспощадно строг к себе. Мучительно переживая свое положение богача-фабриканта, наследника дедовых миллионов, до боли в сердце тяготясь им, он мечтал отдать жизнь народу.

В отличие от многих людей его круга, Шмит не произносил пышных фраз о «страждущем брате». Он действовал. Мужественно и решительно.

Николай Павлович порвал со своим классом и бесповоротно связал личную судьбу с судьбой партии большевиков.

На деньги Шмита была вооружена рабочая боевая дружина. Его фабрика стала одним из крупных центров революционной Пресни.

Шмит был схвачен и брошен в тюрьму. Царские палачи мучили, истязали и в конце концов умертвили его. Однако перед смертью он все же сумел передать на волю, что завещает свое состояние большевикам.

Но тут встала все та же проблема: как получить завещанное?

Наследницей Николая Павловича считалась его сестра Екатерина. Будучи несовершеннолетней, она не могла распоряжаться полученным капиталом.

Красин решил прибегнуть к фиктивному браку. По его предложению Александр Михайлович Игнатьев, боевик, тесно связанный с партией, и вместе с тем человек с положением в обществе, дворянин, сын генерала, действительного статского советника, отправился в Париж и обвенчался с Екатериной Шмит.

Став опекуном несовершеннолетней «супруги», он приобрел все права на ее капитал.

Предсмертная воля Николая Шмита была выполнена. Партия большевиков получила завещанное ей наследство.

В пестром калейдоскопе стремительно перемежающихся дел было одно, которому Красин отдавался с особым упоением — руководство Боевой технической группой. Созданная вскоре после Кровавого воскресенья Петербургским комитетом, она после III съезда перешла в ведение ЦК.

По предложению Ленина Боевую техническую группу возглавил Красин.

Решение съезда — «принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере надобности, особые группы из партийных работников» — с ленинской последовательностью проводилось в жизнь.

Боевики были людьми неслыханного мужества, стойкости, выдержки. Иначе не мог- Стр.25
ло быть. То, что выпадало на их долю, было по плечу только тому, кто обладает этими свойствами.

Чтобы доставить оружие рабочим-дружинникам, надо было нести его на себе. Средь бела дня. По улицам, где полно городских и шпиков. Идти, не скрываясь и не таясь, не спотыкаясь и не пригибаясь от тяжести. Обычной походкой обычного прохожего.

А на тебе не меньше пуда. Они под пальто, застегнутым наглухо. Четыре винтовки, разобранные на части, подвешенные лямками полотенец к плечам.

Путь не близок — несколько верст по городу, из конца в конец. С каждым кварталом лямки все сильнее оттягивают плечи.

Кружится голова, ноет шея, саднит тело. Но ни присесть, ни передохнуть.

Груз позволяет только идти либо стоять. Когда уже совсем немогут, если вблизи нет никого подозрительного, можно прислониться к забору, с минуту постоять, выждать, пока перестанет кружиться голова, и снова в путь.

Вперед! Вперед! Вопреки боли и усталости. Обычным шагом обычного прохожего. Не возбуждая подозрений, сливаясь с уличной толпой.

Еще сложнее и опаснее была транспортировка бикфордова шнура. Боевик обматывал им свое тело и превращался в бомбу.

Всю дорогу — сутки, а то и двое — надо было сидеть в поезде, не прикасаясь к спинке вагонной скамьи. Не то невзначай взорвешься от толчка. Мало того, что сам разлетишься на куски, груз, которого ждут, не будет доставлен по назначению.

При перевозке динамита приходилось то и дело выходить на площадку вагона и большую часть пути проводить на морозе. Удушливо едкий запах динамита, особенно при испарении в теплом помещении, мог провалить всю операцию.

Чтобы ужиться с великаном, надо быть ему под стать. Чтобы распоряжаться его судьбой, надо возвышаться над ним. Хотя бы на полвершка.

«Боевики, техники любили Красина, как никого. Был он человеком отчаянной смелости, придавал всей работе широкий размах, умел увлечь людей, проявляя всегда самые смелые планы, и потому, что они были смелы, они часто удавались». Так пишет Н. К. Крупская.

Это было давно. В детстве. Во времена, которые теперь уже казались незапамятными.

Был он тогда малышом, только что выучился грамоте и читал без разбора все, что попадалось под руку. Тем более что чтение не контролировалось. Отец целые дни проводил в отлучках, колеся по уезду, мать хлопотала по хозяйству, дед же любую книгу почитал за благо, ниспосланное людям культурой и цивилизацией.

Как-то, роясь в дедовой библиотеке, он наткнулся на книжку. С яркой, поблескивающей бойким глянцем разноцветных красок обложки глядел мужчина. Широколицый, приветливый, в крупных роговых очках. Он улыбался. Открыто и добродушно. А руки, обтянутые перчатками, сжимали тонкую женскую шею. Из-под пальцев сочилась кровь. Ее мелкие капельки запеклись в уголках губ и на подбородке мужчины.

Полторы сотни страничек рассказывали о его похождениях, невероятно жутких, от которых вечерами вздрагиваешь при каждом шорохе, но тем не менее назавтра снова и снова тянешься к книжке.

Днем, на людях мужчина жил как все. С утра копошился в садике перед домом. Высаживал нарциссы и анютины глазки. После завтрака отправлялся в ратушу, где служил писцом. По воскресеньям и праздникам посещал кирку. Под вечер спускался в сводчатый погребок, где за кружкой пенистого пива, попыхивая трубкой с головой бородатого гнома, коротал время в неторопливом разговоре с приятелями и знакомыми.

Добропорядочный горожанин. Добрый сосед. И вообще добряк, как все, кто проживал в этом добром старом городке.

Одно лишь отличало его — был он одинок. В своем чистеньком маленьком домике жил совсем один. И только старушка служанка приходила к нему по утрам, чтобы после обеда снова вернуться восвояси.

Мужчина в цвете лет — и вдруг один! Странность? Конечно. Но у кого не бывает странностей?

А в общем-то жил он в ладу с городком. И город с ним ладил. Больше того, любил его. За тихий нрав, покладистость и милую незлобивость.

Никому и в голову не приходило, какие жуткие перемены время от времени происходили с

ним.

Лишь только наступала ночь, из трубы его домика вылетало облачко дыма. И устремлялось к другим домам. Покружив над крышами, оно влетало в один из домов, ударялось об пол и оборачивалось волком.

Матерый серый волк выхватывал из постели спящую женщину, прыгал с нею в окно и мчался в подгородный лес.

Покончив с жертвой и закопав ее, волк вновь превращался в дым и сизым облачком влетал в трубу маленького чистенького домика.

А поутру, все такой же улыбчивый и приветливо-добродушный, он, поблескивая на солнце очками, копался в своем садике, сажая анютины глазки и нарциссы.

Оборотень! Вампир! Чудовище, чья пища — кровь жертв его!

Вся эта чушь из лубочной книжонки все чаще приходила Красину на ум. Оборотни были рядом. И не как аляповатый вымысел безымянного сочинителя, кому цена — ломаный грош. А как явь. Отвратительная явь российской жизни, уродливое порождение ее.

И чем дальше, тем больше плодилось их.

Оборотни носили разные личины:

рабочего, простоватого, не слишком искушенного в политике, но всеми фибрами своей пролетарской души тянувшегося к свету революционных идей, а потому непременно участника сходов, подпольных кружков;

либерала, друга революции, врага самодержавия, радушного хозяина, кто, презирая опасность и жертвуя спокойствием, отдает свою квартиру под конспиративные явки, встречи, заседания;

боевика, отчаянного малого, лихого смельчака, в глубоком подполье изготавливающего бомбы и рвущегося пустить их в ход;

политического эмигранта, который, живя в изгнании, связует заграничные центры с подпольной Россией;

революционера-профессионала, комитетчика, железного и несломимого, того, кто всю жизнь посвятил революции и всего себя отдал ей.

Они носили разные личины и клички, но имя у всех у них было одно — провокатор.

Провокаторы были вездесущи и, словно бациллы, проникающие в организм, чтобы изнутри разрушить его, просачивались в революционное движение, на заводы, в партийные организации, комитеты, на конференции и даже съезды.

И всюду творили свое иудино дело. Предательство стало их профессией, продажа товарищей — средством существования, а у иных — в зависимости от ранга и осведомленности — даже средством обогащения. Они предавали и продавали департаменту полиции, у которого состояли на жалованье, тех, с кем жили и дружили, с кем шли плечом к плечу и, казалось, сражались в одном строю.

При этом стирались грани между честью и бесчестьем, человечностью и бесчеловечностью, моралью и аморальностью.

Аморальность и душевное растрепанье стали нормами жизни их в обществе.

Один из оборотней, тихий, участливый, с умными печальными глазами, провожая товарища, партийного работника, нелегально отправляющегося в Россию, обнимал его на прощанье, вздыхал и говорил, что разлука предстоит недолгая;

как только партийное задание будет выполнено и друг вернется назад, пусть сразу же заезжает к нему, его ждет на чужбине родной дом.

Меж тем всего неделю назад именно он написал и отослал в Россию донесение о предстоящем приезде.

Через каких-нибудь два-три дня приехавшего схватят при переходе границы и на долгие годы бросят в тюрьму.

Другой, засадив друга, носил ему передачи, ходил на свидания и там, отвернувшись в сторону, смахивал со щеки скупую мужскую слезу — жалел товарища: как плохо он выглядит и как тяжело ему достается в застенке!

Третий, суровый и непреклонный, со стылým взглядом беспощадных глаз, посылал людей на вооруженное выступление, заранее предупредив начальство о дне и часе его.

А потом, после гибели этих людей, все с той же жестокой непреклонностью заявлял: ни одно большое дело не обходится без жертв. Когда рубят лес, не жалеют щепок.

И требовал новых и новых людей. Для дела. Своего, грязного.

Те, кто сеял ядовитые семена провокации, собирали щедрый урожай. Он всходил перепол-

ненными до отказа тюрьмами, вонючими избами пересыльных этапов, каторгой, висе- Стр.27
лицами, расстрелами.

Недаром Красин, вспоминая те времена, с горечью восклицал:

– Провал за провалом!

Провалы пробивали брешь за брешью в той крепкой кладке, которую столь долго и с таким тщанием возводил он. Проваливались и боевики, хотя находились в глубоком подполье.

Под Новый год провалилась конспиративная мастерская патронов на Малой Охте.

Ее организовал рабочий патронного завода Саша Сергеев (Охтенский) вместе с членом боевой технической группы Сергеем Сулимовым.

В доме, что стоял на углу Мало-Охтенского проспекта и Суворовской улицы, напротив верфи, неподалеку от казарм Финляндского полка, Саша снял небольшую квартиру, в которой поселился с двумя боевиками, тоже рабочими.

Сюда тайком доставлялись с завода гильзы и здесь набивались. Вечерами, после работы, в воскресные дни. Под песню, написанную словно специально для такого случая:

Сами набьем мы патроны...

А раз в неделю в домик на Охте заходили две девицы – Фаня Белая и Матюшенция (таковы были их подпольные клички, ни Саша, ни его товарищи не знали их настоящих имен, Да, впрочем, и не пытались узнать).

Часом позже девицы покидали домик, унося с собой корзинки. Такие, в каких обычно носят в прачечную белье. На дне лежали патроны. Все, что было наработано за неделю.

Патроны шли к Сулимову, а он по указаниям Красина передавал их боевым дружинам.

Так почти год, с ранней весны и до разгара зимы, работала мастерская. Без особых происшествий и неприятных неожиданностей. Четко, деловито, бесперебойно. Изготавливая в день по сотне патронов.

Но вот однажды Саша был разбужен в ночи. Из коридора несся шум.

Саша нехотя прислушался и успокоился, решив, что это сын хозяйки пришел домой подвыпивши.

Он повернулся на бок и готов был уже снова заснуть, как вдруг почувствовал толчки. Кровать его, придвинутая вплотную к двери, резко и часто вздрагивала. Каждую ночь, прежде чем лечь спать, он припирали кроватью дверь, а под подушку клал взведенный маузер.

Под напором снаружи кровать поддалась, и за приотворившейся дверью показались трое городских. В руках у них были винтовки.

Саша вскочил, снова забаррикадировал дверь и стал поспешно одеваться.

Дверь гудела под ударами винтовочных прикладов. Из-за нее неслись голоса:

– Открывай!

– Именем закона, открывай!

– Сейчас... Только вот оденусь, – он лихорадочно натягивал сапог, прямо на босу ногу, но сапог все не лез.

Тем временем мысль работала.

«В комнате мелинит, порох, штук тысяча патронов... Все, теперь повесят... К утру повесят... Как пить дать, повесят... Если бы расстреляли, было бы лучше...»

Не успел он надеть второй сапог, как сорванная с петель дверь рухнула. В светлом проеме ее стоял пристав. В руке он держал керосиновую лампу. Лампа горела поразительно ярко. Было даже видно, как от стекла вилась к потолку тонкая струйка копоти.

Саша выхватил из-под подушки маузер (он был на прикладе), отскочил в темный угол комнаты и выстрелил.

Пристав упал. Упала и со звоном разбилась лампа. Наступила тьма. Такая же, как за черным замороженным окном

В проеме двери, теперь уже темном, возник смутный силуэт нового человека. Саша выстрелил. Человек охнул и осел.

Но тут слева раздался грохот. Это через другую дверь, выходившую в комнату хозяйки, ворвались в патронную мастерскую городские.

Саша обстрелял их. Городские пустились наутек и с криками и топотом побежали по коридору.

Он бросился вдогонку, стреляя на бегу.

Когда Саша выскочил на лестницу, ведущую к выходу, она была уже пуста. Городских как ветром сдуло.

Саша поспешно, перескакивая через ступеньки и прихрамывая (одна нога так и осталась

необутой), стал спускаться вниз.

Вдруг на лестнице появился какой-то штатский и кинулся наверх. Первый же выстрел уложил его.

На улице едва мутнел рассвет. В белесой мгле вихляли тени городских.

Городовые бежали к казармам. Видимо, за подмогой.

Саша нажал курок. Выстрела не было. Еще раз нажал. То же самое. Кончились патроны.

Он вернулся в комнату, обул вторую ногу, зарядил маузер, схватил патронташ. Терять время на одевание было нельзя. Вот-вот нагрянут городовые. На этот раз вместе с солдатами.

Он надел пальто на нижнее белье и вышел на улицу. Улица была тиха и безлюдна.

Саша спустился к Неве и по льду пошел в сторону Смольного монастыря. Проруби густо клубились паром. Мороз, стоявший накануне, к утру покрепчал. Деревья на том берегу пышно распустил иней. Они высились громадными белыми копнами.

Когда берег был почти уже рядом, послышалось вжиканье пуль. Городовые с солдатами вели по нему огонь.

Он упал, поднялся, побежал. Снова упал и снова поднялся.

Так бросками и перебежками Саша достиг другого берега и выбрался на набережную.

Пройдя несколько кварталов, он неожиданно набрел на извозчика. Ванек, то ли уже выехавший в город, то ли еще не возвращавшийся домой, дремал на козлах, втянув шею в седой от мороза воротник.

Саша подрядил извозчика и поехал на Невский. Здесь он расплатился и пошел к Пяти Углам, где жил Сулимов.

Город только-только просыпался. На улице никого не было. Лишь у ворот сулимовского дома дворник мел мостовую. Он был похож на деда-мороза — борода и усы его были белыми.

Улучив момент, когда дворник повернулся спиной, Саша незаметно проскользнул в ворота.

Дверь открыла Мария Леонтьевна Сулимова (Саша знал ее как товарища Магду), член боевой технической группы.

— Почему так рано? — спросила Магда, было всего лишь шесть часов утра.

— Да вот... вышла маленькая неприятность, — смущенно ухмыльнулся Саша.

Сулимовы накормили его, напоили и одели потеплей. Последнее было особенно необходимо. Его ступни примерзли и подошвам сапог, а маузер, раскалившись от стрельбы, примерз к нижнему белью.

После того как Саша немного отогрелся, его снабдили девяткой, теплой тужуркой и адресом рабочего Емельянова в Сестрорецке.

Здесь он и провел несколько дней, пока приехавший из Питера Сулимов не привез эстонский паспорт с явкой в Пермь и деньги на дорогу.

На Урале Саша пробыл недолго. К осени он уже снова вынырнул в столице, а оттуда перебрался в Финляндию.

Он понадобился Красину для выполнения ответственного и опасного поручения.

Провокатору удалось провалить технического секретаря ЦК Вайнштейна. Финская полиция при аресте его захватила ряд важнейших документов, паспорта, явки ЦК.

Надо было все это вырывать. И без промедления. Пока материалы еще не успели уйти в департамент полиции.

В ту же ночь Саша Охтенский с двумя боевиками, приданными ему в помощь, отправился по адресу, полученному от боевой технической группы. Они пошли на квартиру к полицейскому, у которого, как разведали боевики, находились изъятые при аресте Вайнштейна документы.

Одного из товарищей Саша поставил перед домом стеречь улицу, второго, проникнув в квартиру, посадил в комнате, где находилась жена полицейского, а сам с револьвером в руке вошел в комнату, где спал полицейский.

Сон у того оказался чутким. Едва Саша появился на пороге, как полицейский встrepенулcя и протянул было руку к подушке. Но Саша проговорил:

— Не успеете. Мой выстрелит быстрее. Полицейский отдернул руку, а Саша подошел к постели, вынул из-под изголовья браунинг и положил к себе в карман.

— Где документы, захваченные вчера при аресте? Полицейский молчал.

— Нам нужны только документы. Вы нам не нужны. С финской полицией мы не воюем. Отдайте документы, и мы оставим вас в покое.

— У меня их нет, — через силу, запинаясь, проговорил финн, глаза его беспокойно бегали.

– В последний раз спрашиваю: где документы?

– Не знаю.

Щелчок взведенного курка и дуло пистолета, глядящее в упор, быстро просветили полицейского. Он указал на нижнюю полку этажерки.

Здесь действительно лежал пакет, объемистый и пухлый. Саша быстро просмотрел его содержание. Паспорта, бумаги, записки. То самое, что надо.

Он велел привести жену финна, вернул ему браунинг, предварительно вынув обойму с патронами, и сказал, чтобы ни он, ни жена его в течение получаса не покидали квартиры.

Боевик, оставленный перед домом для наблюдения, потом доложил, что полицейский появился на улице лишь три часа спустя.

Документы ЦК были возвращены партии.

Борьба с последствиями провокации отнимала множество сил. Но не меньше, а то и больше сил уходило у Красина на предотвращение провокаций. Для этого нужны были бдительный, все примечающий глаз и трезвый ум, спокойно и беспристрастно оценивающий людей и факты. В атмосфере, зараженной микробами предательства, надо было сохранить голову ясной, а волю твердой, чтобы не захворать провокатороманией – болезнью, довольно распространенной в те времена. Не видеть в каждом третьем предателя, чтобы в сотом не проглядеть того, кто действительно является им. Обнаружив же и точно убедившись, что он таковой, быстро и решительно убирать его с пути.

Среди добытчиков мелинита для подпольных мастерских оружия был сапер-дезертир Федор. Он таскал взрывчатку с правительственных складов в Сестрорецке и доставлял боевикам.

С некоторых пор у Федора завелись деньги. Откуда?

Об этом доложили Красину. Он поручил боевику Салныню (в подполье – Гришка) незаметно, но тщательно проверить источники неожиданных доходов сапера.

Выяснилось, что не так давно Федор исчезал на несколько дней, а вернувшись, стал денежным человеком.

Оказывается, перетаскивая мелинит, он просыпал часть его и, не заметив, растоптал на снегу. Мелинит окрасил подошвы сапог в желтый цвет. По их отпечаткам полиция выследила и арестовала Федора.

Дальше все пошло как по писаному. Жандармы без особого труда установили, что в 1905 году за участие в неудачном усть-двинском восстании сапер был приговорен военным судом к смертной казни, но бежал. Теперь перед ним был поставлен выбор – либо отправляться в Усть-Двинск, то есть на виселицу, либо поступать на секретную службу в полицию.

Либо верная смерть, либо не менее верные деньги – 75 целковых в месяц.

Сапер предпочел второе.

– Немедленно убрать его, – распорядился Красин. – Подальше от здешних мест. Пока не успел нашкодить, – сапер знал много адресов хранения и передачи мелинита.

В тот же вечер Салнынь зашел к Федору на квартиру.

– Организация, – сказал он, – посылает меня на юг, по специальному заданию. Ты поедешь со мной. Будешь помогать.

Сапер поначалу не дал определенного ответа. По всему было видно, что в дорогу его не особенно тянет. Но на другой день, вероятно побывав в охранке, он ехать согласился.

Это его и спасло.

На вокзале за Гришкой и Федором тянулся хвост, но когда поезд отошел, шпики отстали.

В пути, а он был длинным и сложным, – они добирались поездом до Рыбинска, волжским пароходом до Астрахани и морем до Баку, – Федор несколько раз опускал в почтовые ящики открытки, но Салнынь не подавал виду, что замечает это.

В Баку он сдал сапера местным комитетчикам и вернулся назад в Петербург.

В другом случае Никитич действовал иначе. Круче и беспощаднее. Он не только обезвредил провокатора на будущее, но и покарал за прошлое.

В легальной партийной типографии, что помещалась сначала на Литейном проспекте, а потом в Казачьем переулке, работал некий Михаил. Вместе с кавказцами, вызванными Красным из Баку, он выпускал большевистскую литературу.

После наступления реакции полиция типографию прикрыла. Тогда Красин передислоцировал старую гвардию бакинских подпольщиков в Финляндию, и большевистская газета продолжала выходить в Выборге. Отсюда ее тайно транспортировали в Петербург.

Но чем дальше, тем чаще охранка стала вылавливать транспортировщиков. Искусно спле-

тенная Красиным сеть то и дело рвалась. За всем этим ощущалась чья-то злая и пре- Стр.30
ступная рука. Обнаружить ее было трудно. Но он все же настиг ее.

После разгрома легальной типографии Михаила накрыли жандармы и завербовали. Многочисленные аресты были результатом его черных дел.

Красин вызвал Ваню Стуруа и предложил:

– Убрать провокатора.

«Через неделю, – вспоминает Стуруа, – предателя не стало».

Рассказывают, что когда-то и где-то внук задал деду извечный вопрос:

– Что такое жизнь?

– Жизнь, внучек, – ответил старец, – это щепотка радостей и куча бед... Хотя, – помолчав, прибавил он, – это только кажется. Каждая беда, как только поборешь ее, становится радостью. Чем смелее и решительнее борется человек с бедами, тем радостнее ему жить.

Беда, огромная, лихая, подобная неоглядному серому небу, сулящему долгое и затяжное ненастье, надвигалась на Красина.

А он даже не пытался бороться с ней. Ибо не допускал мысли о ней. И не один только он. Так же думали многие его друзья.

Слишком большие надежды возлагали они на победу, чтобы примириться с возможностью поражения. Слишком много сил, нервов, крови было истрачено на борьбу, чтобы допустить мысль о неудачном исходе ее.

Тем более что на первый взгляд борьба не казалась проигранной. Ее накал все еще оставался сильным, битвы – напряженными.

Надо было обладать всевидящим взором и беспощадно острым умом вождя и стратега революции, чтобы уже тогда, находясь в самой гуще событий, правильно и точно оценить характер происходящих боев – арьергардных, а не авангардных, отступательных, а не наступательных.

Это дано было Ленину.

Ленин бесстрашно взглянул правде в глаза и постиг всю трагическую суть явлений русской жизни тех лет. Он сделал то, что не в состоянии были сделать другие, в том числе и Красин.

Они еще продолжали тешить себя надеждами, что революция идет в гору, они еще уповали на близкий и скорый подъем новой революционной волны, а Ленин уже заявил:

– Революция закончилась...

Было это сказано А. Шлихтеру осенью 1907 года, когда Владимир Ильич, возвращаясь с конференции в Таммерфорсе, заночевал проездом через Петербург у Шлихтера на квартире.

Да, революция, хотя и незаметно для обычного глаза, хотя и постепенно, но спадала.

Саммера он никогда в глаза не видел, столкнулся с ними у Андриканиса совершенно случайно, точно так же как совершенной случайностью явилась для него встреча с приставом, производившим облаву. Приехал он в Москву по делам службы. Эти же дела требуют безотлагательного возвращения в Питер.

Слишком солидным было «Электрическое общество», слишком высоким положение занимаемое Красиным, чтобы с этим не посчитались. Необоснованный арест видного инженера, одного из крупных промышленных деятелей, персоны заметной, чтимой и высокооплачиваемой, мог обернуться для полиции неприятностью.

Спустя семнадцать дней его выпустили на свободу, Пустяковая отсидка. Мелочь. Факт в биографии настолько незначительный, что о нем можно было бы не вспоминать, если бы не последствия.

– Красин ощущал их чуть ли не каждый день, чуть ли не на каждом шагу – и в неотвязных взглядах шпииков, и в их назойливых фигурах, повсюду, без утайки сопровождавших его, и в гороховых пальто, которые теперь уже, не отходя, торчали под окнами его квартиры.

Наконец дошло до того, что у него были произведены обыски, и в служебном кабинете и на дому.

Пока жандармы еще толклись в передней, он забежал из кабинета в детскую, сунул пачку документов в кармашек передника своей маленькой падчерицы Нины Оке и сказал:

– Полезай на подоконник и смотри на улицу. Так весь обыск девочка и пробыла на подоконнике, выглядывая из окна.

Она не понимала ни того, что делают чужие люди в их доме, ни того, что ей надо увидеть на улице. Но она знала, раз он сказал – полезай и смотри, значит, так надо делать. Дети всегда и во всем слушались его. Не из боязни, а из любви.

Кончился обыск, жандармы ушли. Он снял малышку с подоконника, расцеловал, угостил

шоколадкой.

А документы немедленно переправил в другое, более надежное место.

Обыски мало в чем помогли жандармам — после ареста он, и без того безмерно осторожный конспиратор, удесятирил осторожность. Но во многом помогли ему. Красин со всей отчетливостью понял, что быть на свободе ему остается недолго, что тюрьма, как говорится, не за горами.

И правда, в марте 1908 года он снова сел. Теперь уже серьезно и опасно. С первых же допросов впереди замаячила виселица. Смертельная угроза была настолько очевидна, что проглядывала в каждом вопросе следователя.

Сидеть на этот раз пришлось не в русской тюрьме, а в финской. Арестовали его воскресным днем, на даче в Куоккале, куда он время от времени наезжал из Петербурга, повидаться с жившей здесь семьей, и доставили в Выборг.

Выборгская тюрьма не очень походила на московскую и совсем не была похожа на воронежскую. Здесь не было годами устоявшегося кислого запаха, столь свойственного российским тюрьмам. И кормили тут гораздо лучше. К тому же не возбранялось получать обед из ресторана.

Остальное же было тем же самым. Решетки на окнах. Сетки на лестничных клетках. Параша в углу с ее извечным зловонием. Явственно видный след, выдавленный ногами на плохо асфальтированном полу камеры.

Где-то они теперь, все люди, что нашагали этот ломаный, из угла в угол по диагонали, след? Что с ними случилось? Чем обернулась их судьба?

И допросы. Частые, бесконечные, и днем и по ночам.

Та же замысловатая вязь вопросов. Множественных, внезапных, бессмысленных. Нелогичных для того, кого спрашивают. И точно прицельных для тех, кто их задает.

Та же скупающая снисходительность жандармских интонаций. То же щеголянье мелкими фактами, датами, фамилиями, адресами. Мы, мол, все знаем, от нас не укрыто ничто...

— Неужели вы воображали, что мы слепы? Да мы все ваши поездки и демарши, все, все, видели как на ладони... Не хватало только знаменитого зубатовского афоризма:

— Ваши атаки на самодержавие — это попытки муравьев лезть на блиндажи современной крепости.

Впрочем, сией жандармской премудростью обычно потчуют молодых, желторотых.

— Вы — пушечное мясо. Заправилы от революции отправили вас на убой, а сами попрягались в кустах... Так не прикрывайте собственных губителей, не упирайтесь, рассказывайте все, что мы и без того прекраснейшим образом знаем...

Его вся эта антимония миновала. И годами ее перерос, и, что, пожалуй, самое скверное, унюхали псы, на чей след напали. Не такие уж жандармы болваны, чтобы ломать всю эту пошлую комедию перед ним.

Да, похоже, дело табак...

Это в 37-то лет...

Обидно. Весьма и весьма...

Мысль довольно тривиальная... грустная...

Впрочем, такое и в 67 особых радостей не доставляет... Оттого, что мысль не нова, не исчезнуть страшной новизне ее содержания...

Да, плохо дело. Выходит, дело действительно швах...

Серьезность положения понял не только Красин.

Это понял и Ленин.

«Ильич, — пишет М. Лядов, — чрезвычайно тяжело переживает арест «Никитича», он настаивает на том, чтобы были приняты все меры, чтобы извлечь его из тюрьмы».

Меры были приняты. Решительные и энергичные.

В одно из свиданий Красина навестила мать.

Антонина Григорьевна, или «бабушка», как ее называли в семье, была по-обычному сурова и сдержанна. И только руки, сухие, с морщинистой кожей и припухлыми костяшками пальцев, руки пожилой женщины, проведеншей свой век в труде, слегка дрожали, когда гладили буйно поседевшие волосы сына.

В остальном же мать была спокойна. Настолько, насколько может быть спокойна мать, когда видится с сыном в тюрьме.

Он хотел было утешить ее. Но смолк перед ее утешениями.

В речах ее, простых и нехитрых, было столько веры, а в тоне, каким они произносились,

столько мудрого спокойствия, что успокоился и он, хотя был невероятно взволнован встречей и встревожен тем, как мать перенесет ее. Стр.32

Это к ней, к матери, обращены проникновенные слова сына:

«Милая мама! Сколько раз в часы горя и бед, когда отчаяние охватывало сердце и дух колебался, когда начинала закрадываться малодушная боязнь жизни и борьбы — этого вечного завета природы и судьбы нам, людям, — твой образ, вынесенные тобою страдания, твой стойкий дух вставали передо мною и, думая о тебе, о твоей тяжелой, неблагодарной жизни, о всем, перенесенном тобою и отцом, я находил новые силы терпеть, бороться».

Но даже Красин, хорошо знавший свою мать, не удивлявшийся тому, как «бабушка» в разгар декабрьских боев на Пресне под пулями пересекала линию баррикад, чтобы, минуя заградительные кордоны полицейских и солдат, унести в безопасное место спрятанную в прическе печать ЦК, поразился воле, бесстрашию и самообладанию этой пожилой женщины.

Поймав момент, когда тюремщик, стороживший свидание, отвернулся, Антонина Григорьевна спокойно передала сыну пилки, тайком пронесенные в тюрьму.

Красин должен был перепилить оконную решетку камеры, выбраться на тюремный двор, прихватив матрас со своей койки, залечь у стены и прикрыться матрасом, когда боевики подорвут стену, а затем бежать через пролом.

Сигнал к началу побега условлено было подать с горы, что высится над Выборгом. На ее вершине, хорошо видной из окна камеры и от подножья тюремной стены, в решающий момент должен был загореться фонарь.

В назначенный вечер боевики во главе с Александром Михайловичем Игнатьевым и Сашей Охтенским приступили к делу. Игнатьев с подрывниками притаился у стены, Саша отправился на гору.

Однако не успел он дойти до вершины, как учуял неладное. Место, обычно нелюдное, несмотря на ранний час — 9 вечера, — было странно оживленным. По дороге, ведущей к вершине, сновали люди, а на самом верху, словно на часах, неподвижно стоял человек. Он не спускал глаз с Саши, как бы выжидая, что тот будет делать.

Зажигать фонарик было и безрассудно и опасно.

Саша вынул портсигар, достал папиросу и стал прикуривать. Он дважды зажигал спички, делая вид, что они гаснут. Но, хотя узкие клинышки пламени вспарывали тьму, внизу все оставалось спокойным.

Саша зажег третью спичку. Она прогорела до конца и обожгла пальцы.

Та же самая тишина. Никакого взрыва.

Он стал спускаться вниз, недоумевающий, обеспокоенный.

За спиной раздались шаги. Он надбавил ходу. Участились и шаги. Саша, не вынимая из кармана руки, спустил браунинг с предохранителя.

Внизу, у выхода на большую дорогу, его поджидали двое. Пропустив Сашу, они пристроились с хвоста. И тут же спереди из придорожного кустарника выскочил третий и рванул навстречу, наперерез.

— Полиция! Вы арестованы!

Саша выхватил из кармана револьвер. Выстрелил по ногам. Двое упали.

Он прыгнул в кусты и побежал, проваливаясь по колено то в талый снег, то в ледяную воду под снегом.

Добравшись до рабочего предместья, он переночевал у знакомого маляра, а поутру пошел на розыски своих.

— В чем дело? В чем причина провала? Не иначе кто-то предал.

Но при встрече с Игнатьевым выяснилось, что виной всему не предательство, а зоркость тюремщиков. Застигнув Красина, когда он перепиливал решетку, они подняли на ног полицию.

Неудача не обескуражила боевиков. Слишком дорога была для партии жизнь Красина, чтобы, смутившись первым провалом, отказаться от намерения спасти ее.

Быстро и оперативно были разработаны несколько новых планов выручки Никитича.

Старые бакинцы — товарищ Семен и Вано Болквадзе, ныне работавшие в подпольной партийной типографии в Выборге, где печаталась большевистская газета «Пролетарий», должны были инсценировать приезд из столицы важного чиновника прокурорского надзора. Снабженный подложными бумагами, он должен был увезти Красина в Петербург, «для ведения дальнейшего следствия».

На случай, если бы и эта попытка сорвалась, Саша Охтенский и его боевые друзья Стр.33 готовились к тому, чтобы отбить арестанта силой в поезде, когда жандармы будут препровождать Красина в Питер.

Дело в том, что согласно существовавшим тогда в Финляндии законам арестованный по приказанию департамента полиции на территории Великого княжества Финляндского мог оставаться в финской тюрьме не дольше месяца. За это время петербургская прокуратура обязана была составить и переслать в Выборг обвинительное заключение. Получив его, местные власти отправляли подсудимого в столицу. Не получив, отпускали на все четыре стороны.

Месяц — срок немалый. Но не для царской России с ее извечной волокитой и чиновничьим бюрократизмом. Пока в Петербурге писались и переписывались, оформлялись и подписывались, шли от стола к столу и переходили из кабинета в кабинет бумаги и бумажонки, месячный срок истек. А вместе с ним и право дальнейшего содержания Красина в выборгской тюрьме.

Этим поспешили воспользоваться А. М. Игнатьев и его товарищи. Под их нажимом выборгский губернатор освободил арестованного.

Поздно вечером, когда город уже засыпал, погруженный во тьму, Красин вышел из тюрьмы.

У калитки, смутно сливаясь со стеной, чернело несколько фигур. Плотная, широкая — матери, длинная, нескладная — брата Германа, изящно-элегантная — Игнатьева, с белеющим во мраке пятнышком неизменного крахмального воротничка в полуовале шалевого воротничка шубы.

Короткие объятия. Чуть слышные всхлипывания матери — от радости, что встретились на свободе, и от горести неизбежной разлуки, — и Красин, сопровождаемый Игнатьевым, поспешно удалился. По выражению Германа, «в неизвестное пространство». Подальше от тюрьмы и полицейских глаз.

Мешкать было нельзя. Малейшее промедление грозило гибелью.

И действительно, сутки спустя из Петербурга прибыли обвинительные документы. Они были составлены по всем правилам юридически-сысского искусства, со строжайшим и скрупулезным следованием букве закона.

Однако неустанный труд жандармов и прокуроров пропал втуне. Бумаги пришли, а Красин ушел. Безвозвратно. В подполье.

Но и оно, каким глубоким ни было, оказалось ненадежным. Всюду рыскали ищейки. Везде были капканы.

По всему видать, оставалось одно — поскорее убраться прочь, за границу.

Единственное, что он позволил себе, вопреки благоразумию, накоротке повидаться с семьей. Ведь целый месяц он в глаза не видел детей и соскучился по ним смертельно.

Крадучись в ночи, он пробрался из Гельсингфорса, где скрывался от сыщиков, в Куоккалу, наспех обнял жену, поцеловал спящих дочерей — Любу, Катю, Людмилу и падчерицу Нину — они так и не проснулись — и несколько дней спустя уже плыл на утлом суденышке из Або в Швецию, держа путь на Берлин и Париж.

Лето прошло в поездках по Европе для урегулирования партийных дел и предприятий.

К осени он очутился в Берлине.

Наступила пора подумать о выборе более или менер постоянного места жительства. Хочешь не хочешь, а приходилось пристраиваться к какому-либо делу. «Семья моя к этому времени состояла уже из пяти душ, надо было думать о каком-то заработке», — писал Красин.

И он остался в Берлине.